

1-ая кассета из 3-х, сторона А

Сегодня, 26 октября 2004 года, я, Островская Ирина, в рамках программы «История семьи» беру интервью у Герты (у нее еще полное имя Гертруда) Евгеньевны Чупрун у нее дома в Москве.

Это первая кассета.

О. Это мама вышивала там, в лагере, это все картинки, которые она мне присылала в письмах, они вот вышиты здесь гладью, это ... дорожки – они у меня всегда висели над кроватью, где бы я ни жила.... В студенческом общежитии, везде, ... Я вообще все приготовила, чтобы спросить, нужно ли это?

В. Да что Вы, это сказка просто!

О. Это она мне прислала из лагеря с оказией в подарок.

В. А с какой оказией?

О. Были оказии.

В. Вы посмотрите на это. Потрясающе просто!

О. Это ж ювелирная работа. Я не знаю, как они вышивали там. Ниточки выдергивали и вышивали.

В. Вы посмотрите, какие ниточки, какие ручки, какие глазки. Это фантастика!

О. А так вышить клочок батиста, старые куски.

В. С ума сойти! Тончайшая просто работа.

О. А вот это Татьяна Николаевна, это тоже там, это мне потом уже передали соседи, после свидания с вами. Это тоже там они вышивали, она потом из этого сбацала себе саше для носовых платков. Это тоже они с Татьяной Николаевной там вышивали. У мамы еще дорожки есть, крестиком вышиты...

В. Ну ладно, не последний раз мы с Вами видимся.

О. Так вот чего бы я хотела. Я бы с удовольствием все это передала в музей, если нужно.

В. Очень нужно.

О. И при этом чтобы мне сделали фотографию и подарили на память.

В. Хорошо. Я не очень хорошо представляю, как сделать эту длинную дорожку, но сейчас же есть эти цифровые фотоаппараты, которые это могут. Ну, потрясающе. Причем, я же помню вот эти ваши письма ... Расскажите немножко про папу, про маму, что вы помните.

О. Хорошо, расскажу и про папу, и про маму, но я вам уже рассказывала...

В. Нет, но я-то все забыла. Но сейчас я хочу, чтобы мы это все записали, потом мы это все расшифруем, и если вы хотите, мы сделаем экземпляр ваших рассказов и потом мы из этих ваших рассказов в книжечку переплетем, сделаем брошюрку.

О. Вот это делали женщины в лагере и пересылали своим детям Вот этой техникой владела только мама, вот именно вот этой техникой. Филейной.

В. А вот ту рубашечку, которую, вы помните, я приносила, которую Татьяна Николаевна делала, ее фантастически совершенно отремонтировали газом. и в ней теперь на улице. Изумительно! Она же тоже там тончайшей работы.

Отступление о солагернице матери, праздновании ее 100-летия.

О. Это бабушка Генриетта, сестра моей бабушки, которая меня взяла из детдома. Старая барыня. Ну, чем интеллигентные женщины занимались? ... Вот придешь в Абрамцево или в музей Васнецова в Фурманном переулке и узнаешь свою квартиру на Чистых прудах. То есть вот эта работа – это чеканка, со вставками каменьев в русском стиле. Это все сделано в русском стиле.

В. То есть внутри это деревяшка?

О. Это я реставрировала слегка, оттирала, очищала. Вставляла недостающие камешки, прибавляла недостающие гвоздики. Вот эта вот коробочка попозже сделана.

Отступление о соседях и знакомых.

В. Вы скажите мне, вы в Москве родились?

О. Значит, я родилась в Москве в 33-ем году.

В. А какого числа?

О. 4 января 1933 года ... Любимая дочка у мамы и папы, у которых уже было по ребенку от первого брака, и у папы, и у мамы. Дочка у папы и сын у мамы.

В. сын Саша?

О. Да, сын Александр Николаевич, Алик его звали. Люди были молодые. Папа, Евгений Борисович Иоэльсон-Гродзянский, 1901 года рождения.

В. А кто старше был – мамин сын или папина дочь?

О. Они погодки были, одному 8 лет, другому 7, когда я родилась.

В. А у Алика была ваша фамилия?

О. Нет, Алик был Долматов, он был по девичьей фамилии матери.

В. Мама, значит, была Долматова Евдокия?

О. Она была Иоэльсон-Гродзянская Евдокия Сидоровна,

В. ..но называла на себя Дина?

О. Называла себя Диной. Когда она выходила за папу, она была Журавлева, потому что фамилия отца моего брата Журавлев

В. То есть Алик был Журавлев?

О. Нет, Алик был ...

В. Нет, ничего не пойму. Давайте еще раз. Значит, Алик – Долматов по маминой девичьей фамилии?

О. Да. Значит, когда он родился, у него отца фактически уже не было. Отец во время, когда мать посадили, меня-то сунули в детский приемник при Даниловском монастыре, и меня забрали Крейнёсы, две бабушки, тетки моего отца меня забрали. А его забрал отец. Отец его отправил в Харьков, в ту самую специальную колонию, бывшую Макаренко, которая когда-то очень славилась, а оказалось, в те времена она была уже скурвилась, и оказалась тюрьмой, где отпечатки пальцев у ребят брали.

В. То есть она была как спец. детский дом?

О. Да. И вот тогда брата еще перед войной забрала тетка, мамина сестра, тетя Маруся, и считалось, что это было очень хорошо. О. Вот, и школа в десяти километрах Это под Кимрами деревня.

Отступление о фотографии маминой солагерницы.

О. Когда родители поженились, у мамы была довеска в виде Алика, а у папы же была жена первая.

В. Что-то я про это ничего не помню, расскажите.

О. Такая сложная семейная структура. В общем, в те времена люди довольно быстро сходились и расходились, времена были переходные, начало века, и люди очень легко смотрели на разводы. Ханжества в этом смысле не было. И после этого даже дружили семьями. Папа пришел как-то в общежитие Первого медицинского института, где училась его жена, и где им дали комнату, потому что родилась дочка, и застал там свою жену с молодым студентом, философом, Амо Арутюнян. Амос Аввакимович Арутюнян - это будущий посол наш в Канаде. Тогда, когда я его узнала, он был уже начальник первого Европейского отдела в МИДе.

В. А как ее звали, первую жену папину?

О. Ее звали Эмма Абрамовна Рахмель. Эта Эмма Абрамовна похоронена на Ваганьковском кладбище. Она, ставши женой такого выдающегося человека И она, и Амо, наверное, всячески скрывали всякое родство с моим покойным папой.

В. Как же Нина?

О. Ну так, они же не были официально расписаны, как выяснилось. Мне Нина говорила, что где уже перед ее смертью они расписались. А может, даже и не расписались. У них родилась дочь Марина. Марина кончила МГИМО.

Она познакомилась в этом МГИМО, - фабрика богатых невест - с сыном американского посла, Меньшикова, со Стасиком Меньшиковым. По-моему, сейчас они где-то в Германии. Они были где-то там в институте Америки и так далее. Им обещали где-то в 70-е годы в Новосибирске – там тогда Академгородок выстроили – им там предоставили работу, дали квартиру и продвигали всячески Стасика в академики. Они уехали в Новосибирск, оставили здесь двоих детей и моего Сережу, у которого к тому времени мама умерла, он кончал школу, и уже был психически сдвинут.

В. Что значит вашего Сережу?

О. У Нины родился сын Сережа.

В. То есть это племянник ваш?

О. Да, племянник мой. Нет, я не могу, это такая ветвь моей семьи, это надо рассказывать долго и отдельно, нет, это вам не понять, я вам лучше расскажу про себя.

В. Да нет, я понятливая, вы расскажите.

О. В общем, когда родители женились, этой Эмме на фиг нужна была Нина, и Нина очень долго жила у нас, с моей мамой, со своим папой и с Аликом. Мы жили, очень дружили.

В. А как Нинина фамилия была?

О. Рахмель, по матери. Да, и когда моих родителей посадили, арестовали, мои родственники по отцу все были уверены, что папу посадили за троцкизм, что в этом виновата Эмма, которая в свое время ходила в троцкистские кружки, и оказалось, что мы ничего не знали, и что папу посадили как германского шпиона. А Эмма была ни при чем, она была в стороне, она быстренько прервала всякие отношения. А про Нину я не знала, то есть я помнила, что у меня где-то есть сестра, но до конца войны я не знала, где она.

В. А Нина сразу перекочевала к маме?

О. Да, Нину взяли. Нина во время ареста не присутствовала, Может, они чего-то предчувствовали, там были какие-то обстоятельства, может, когда папу посадили, ее туда отправили. В общем, ее не было. Она жила со своей матерью. Когда мы с ней встретились, я уже школу кончала, а она уже училась в Бауманском. Может, и кончила уже, и мы сразу друг друга полюбили и вспомнили. Сразу, моментально.

В. Вы похожи очень были?

О. Очень похожи. Так как она жила в квартире Арутюнянов, падчерица была, никому была там не нужна, мать умерла, Арутюнян женился на Энеиде, потомке - внучке или правнучке Ованеса Туманяна, великого поэта там армянского. Для того, чтобы быть послом, нужно было быть женатым. Он нашел себе жену. Жена была исключительная. Эту Энеиду я до сих пор очень уважаю. Но зачем ей в квартире чужая женщина с ребенком? И она купила кооперативную квартиру – тогда начали строиться кооперативы - на набережной Шевченко – для Нины. Освободила себе практически комнату. У нее был сын уже Ованес – Овик...

В. Ованес – это как сокращенно?

О. Овик. У меня где-то есть фотография, где все эти дети стоят: Меньшиковы, Овик, уже моя Оксана. Так что эта семья существует, она где-то отдельно.

В. А Нина жива?

О. Нина умерла. Вот такая трагическая судьба. Мать ее умерла где-то меньше 50 лет от рака, Нина умерла в 45 лет от рака, тетка ее умерла от рака, все они в одной могиле и все молодые женщины. Похоронены на Ваганьковском кладбище. Сережа остался.. Когда она его завела, а мужа не было, потому что нельзя привести в дипломатический дом, в дипломатическую квартиру нормального мужчину. Где-то они тайком встречались, потом она забеременела, а прописать его она не могла. Ну, он испугался и слинял в кусты. Родился Сережа. Когда он должен был родиться, Марина, ее сестра, рвала и метала, требовала сделать аборт, и вообще ей можно рожать, а Нине нельзя. Нина оставила мне письмо, и сказала, придешь с вещами, когда я рожу ребенка, забрать, но если я помру, не

дай Бог, то ты тогда этот конверт открой. А если нет, то и не открывай. Но одно дело, когда женщина с пузом, а другое - когда она родила. Когда она родила, Марина ее простила, бросилась к ней в роддом, мы вместе ездили, взяли Сережу, мы сначала не могли взять. Он двое суток не мог появиться на свет, Нина страшно мучилась. Но мне-то всего в 1954 году, мне был 21 год, студентка. Ну, какой из меня был воспитатель ребенка? Но Марина – она была уже взрослая женщина, у нее был муж, ребенок, и все. Она бросилась в роддом, Нину сначала не могли забрать, она целый месяц пролежала в этом роддоме, профессоров всяких призывали там, Архангельского и прочих.

В общем, на Сереже эти неблагоприятные, очень трудные роды сказались, и уже в 16 лет, когда мать умерла, мы выяснили, что он все-таки шизофреник вообще. В общем, Сережа всю жизнь на мне как крест, сейчас он лежит в больнице. Жена его мне нервы треплет. .

Нина – ну у нее жизнь неудачная, она счастья не видала, молодая померла. Сережку она оставила в 16 лет. Когда она лежала в больнице, все говорила, что мне бы вот еще немножко, чтобы Сережка школу кончил. Школу он кончил физико-математическую, 2-ую. Мне бы еще немножко, говорила она на следующий день, чтобы он в институт поступил. Он стал поступать в университет, уже он жил у Марины, с ее детьми. Стал поступать, конечно, не просто так, а на физику твердого тела, конечно, его не взяли, провалили. Он поехал к Марине в Новосибирск.

В. А фамилия у Сережи какая?

О. Фамилия его была тогда уже Барщевский. Потому что Нина, незадолго до смерти, когда уже получила квартиру, то один пожилой мужчина, возраста нашего отца, где-то они скорешились на югах, и он усыновил Сережу, дал ему свою фамилию – Барщевский. Тот еще был, он думал, что молодая жена будет его всю жизнь обихаживать, а она – бац – и умирает от рака. В общем, Сереже 16 лет, тогда уже 17, его отправляют в Новосибирск, поступать в Новосибирский университет, там он все сдает прекрасно, его заваливают на сочинении. Марина пытается что-то сделать, но со всеми ее связями ей ничего не удается, она звонит мне в Москву, говорит: Герта, попробуй, чтобы он поступил в твой институт, энергетический. Я никогда в жизни не умела, и родные не умели что-то по благу сделать, просить. Я ходила и кланялась в ноги в МЭИ, значит, к знакомому хорошему другу, председателю приемной комиссии. Он мне сказал, что ничего сделать нельзя. Но на тот факультет, куда он хотел, было поступить нельзя. Он не понимал, что поступить нужно куда угодно, как я в свое время.

В. 5-й пункт давил?

О. 5-й пункт и у меня давил. На все престижные специальности просто срезают, отсеивают. Короче, его не взяли на электроэнергетический факультет с его тройкой по какому-то предмету, по математике. Он, закончивший физико-математическую школу! И Борис ездил, мой муж, за него просил там преподавателя математики в МЭИ, и все, и его приняли на вечерний. Но если тебя принимают на вечерний, то от армии ты не гарантирован, и когда ему стукнуло 18 лет, - матери – нет, Марина - в Новосибирске, он очень подчинялся своим на набережной Шевченко, он, чтобы его не брали в армию, взял и принял снотворное. Звонит Семен Михайлович: «Герта, что делать? мне? Марине?», в общем, решили так, что если сейчас вызвать скорую, то из-за суицидальной попытки его поставят на учет в психиатрический диспансер и его никуда не возьмут, карьера ему будет закрыта. И Марина откачала его, сделала ему промывание желудка и на следующее утро сдала его в военкомат, на призывный пункт. И его забрали в армию. В хорошие войска, в артиллерийские, его взяли, как человека с образованием.

Приехал он в Ленинград и заявил, что он служить в армии не хочет, первое, что он хочет, в Израиль, а второе, что он заявил, что он гомосексуалист (смеется). Ему казалось, что это всенепреодолимое препятствие. А что делали в армии? В строительный батальон, на границе с Китаем. А помнишь события на Доманском? В Читинскую область, на границе с Китаем, в стройбат, на горно-обогатительный комбинат, два года в котельной протрубил. Ну, там 30 процентов было уголовников. Все эти два года я с ним переписывалась. Через два года он вернулся, восстановился в МЭИ. Но, в общем, он вылетел, он уже был неадекватным. Там в армии хороший воздух, здоровая пища или

шагистика, я уж не знаю, что там на него повлияло, но когда он приехал, мне показалось, что он физически окреп и здоров. На самом деле, конечно, нет, потому что он – ну, в МЭИ пройти в аудиторию в пальто было нельзя, надо было раздеться в гардеробе. Ну, я там училась, я знаю, ну, что, не вошел в этот вход, побежал в другой корпус, там разделся, - а он стал базарить с командой, которая – проверяльщики. Там был преподаватель, он оскорбил. Ну, вышибли из института. Я бегала к декану, стояла перед ним на коленях, Говорила, чтобы Сережу не исключали, что он - сирота, что он такой-сякой. Декан был неумолим. Оказалось, что у декана был сын. А этот электроэнергетический факультет – он же связан с высокими электроэнергиями. Там была такая лаборатория, я сама туда ходила и знаю, где стояли шары, там такие разряды молнии были, что не дай Бог. Все это огораживалось, и зайти туда, не выключив, было нельзя, никому не разрешалось. А этот сын декана не послушался и зашел. И его убило. Тогда декан поклялся, что всякого мальчишку, который вздумает дерзить или говорить поперек, он никогда в жизни не простит.

И он Сережу вышиб с правом поступать через год. Сережа подумал-подумал, его устроили на работу там, и поступил в МИЭМ – институт машиностроения. А, нет, в МИРЭА – институт радиотехники, электроники и автоматики. На юго-западе. Поступил прямо на третий курс, стал учиться, не выдержал, загремел в психушку, и пошло... Он теперь инвалид, 50 лет исполнилось. Его выследила такая же сумасшедшая у него в подъезде, он в однокомнатной квартире жил на девятом этаже, а внизу, на первом жила эта Лена.

В. Но он все время в таком пограничном состоянии?

О. Бывает у него состояние ремиссии, но это, в общем, сейчас он в плохом состоянии уже давно. Было несколько попыток самоубийства, отравления, в основном он травится. Но он и вены резал.

В. А детей нет?

О. Слава Богу, нет. Она, эта сумасшедшая, за ним ухаживает, а он... Телевидение - это же враг наш! Их напугали тем, что больных людей убивают с целью, взять их квартиру. И у них бзик теперь, паранойя. Он завещал мне свою квартиру, потом несколько раз завещание менял, оскорблял, и сколько раз я ему говорила, что, Сережа, успокойся ты, не нужна мне твоя квартира, успокойся ты. А он: вот, Меньшиковым нужна, и Ване, и Кате, вот, они у меня хотят отобрать, они меня хотят убить. И когда он с собой покончил жизнь, выпил дихлорэтана - пузырек выпил – и врач сказал, что на 90 процентов он умрет, в Склифосовском, у меня там знакомый врач, он много раз там лежал, Катя Меньшикова поехала туда, привела, притащила с собой священника. Его прямо в реанимации крестили, и он выздоровел, вся больница ахнула, все отделение отравлений. Потому что его уже приговорили к смерти, все врачи сказали, что он на 99 процентов помрет, а он выжил. И все равно он делает эти попытки. Значит, последний его закидон такой: значит, квартиру он сдает, сам живет у Лены на первом этаже, они сдают и на эти деньги живут, вечно денег не хватает, ничего не готовят, покупают все готовое. Холодильника нет, живут на fast food. У него, значит, мания такая, что в Кащенко его хотят убить врачи, в этом отделении в Кащенко. Чтобы не попадать туда, а мы же все прописаны – если ты прописан в этом отделении, ты будешь всю жизнь в этом отделении лечиться, ни в каком другом. И каждая скорая помощь его привозит туда. И для этого он решил, что надо выписаться из Москвы, что он и сделал два года назад. Он выписался и прописался за 500 долларов, фиктивная, конечно, прописка в Лотошинском районе, где-то там в Волоколамской области

В. Зачем?

О. Чтобы не попадать в Кащенко. Да, чтобы соскочить с Кащенко, а чтобы его привезли в областную больницу на улице 8 марта. Вот сейчас он там. А там что делают? Ну там же чужие люди, всем все равно. Они быстро - раз! – и на границу с завидовским лесничеством. Туда, в Никулино есть загородная областная московская больница, очень большая, целое прямо там село, больница-село. Туда ездить с пересадками. Если они его туда поместили, то Лена поехала туда и забрала его в Москву, потому что ездить туда

невозможно. Не наездишься... Вот, он опять носиться сейчас с мыслью, что Лена... Да, он с ней развелся! Через год она его заставила обратно на себе расписаться. Вечная моя головная боль...

В. А с ним общается кто-нибудь, или кроме вас никто?

О. Нет-нет, братья и сестры двоюродные хотели бы с ним. Катя и Ваня Меньшиковы, они с высшим образованием, с университетским, верующие и порядочные. Они и выросли с ним в одной квартире. И Арутюняны, и, в общем, их связывают детские годы, но почему-то он убежден, что им нужна его квартира. Поэтому-то они, как и я, стараются дистанцироваться. Не зовут – и не обращаются.

В. А вас зовут?

О. Зовет Лена. Она, когда что-то случается, она начинает звонить и говорит: все, я от него отказываюсь, это было на той неделе. Все вы гады, всех вас ненавижу, всем вам нужны наши с ним квартиры. Я говорю: ну, Лен, ну угомонись ты, ну нужна мне ваша квартира, ну успокойся, у нее от родителей еще осталась квартира. Ну, это невыносимо.

В. Ладно. Тогда давайте вернемся назад. Вот, ваши самые ранние детские воспоминания. Вот вы помните себя с родителями вместе?

О. А как же!

В. А что вы помните? И где?

О. Я жила на Бакунинской в коммунальной квартире, у нас было две комнаты, отец получил. Он был профессором Бауманского института, на кафедре холодильных аппаратов, и мама училась в медицинском уже, я помню. У нас папа привез европейский обычай за окно вывешивать носок, он в Германии был, долго там работал, и туда под Новый год клали подарки, в чулок.

В. И вы помните, как вы этот носок вывешивали?

О. Помню. Я помню, что он мне привез из-за границы меховую шубку. Что еще я помню? Я помню, что у него была голубая эмка, за ним приезжала машина, потому что он стал уже директором завода холодильной промышленности, стал директором НИИХОЛОДа, это Центральный научно-исследовательский институт холодильной промышленности. Молодой человек, когда его расстреляли, ему было 38 лет. Член партии. И он очень меня любил и очень меня любил фотографировать. Вот у меня тут есть снимки, которые делал он (показывает фотографии), вот, это я тут, стою, сижу в пижаме. Это в тюрьме уже. А это в тот день, когда маму арестовали, меня забрали к тетке, вот тут я сижу в Фурманном переулке на стульчике, и в глазах у меня слезы. Вот это я была такой счастливый любимый ребенок, брат и сестра меня звали «принцесса», вот именно так. Звали меня Трудочка, потому что называли меня в честь тетки Труды. Вот это Нина, вот Алик. Где-то карточка была с мамой в тюрьме и в лагере, вот она.

В. А с этой карточки вы не делали у нас копию?

О. Нет.

В. А зря, надо сделать.

О. Вот, еще карточки. Старые, видите, все желтые, это 50-й год.

В. Надо бы эти карточки тоже скопировать.

О. Папа меня очень любил, и мама любила. У нас была домработница, потому что мама училась, папа работал, и у нас время от времени происходили такие события. Мама приезжала, вся мебель переставлена. Что такое? И домработница докладывала: Эмма Абрамовна приезжали и всю мебель передвинули. В другой раз она приезжает, все дети наголо острижены. И Алик, и Нина. Что случилось? Эмма Абрамовна приезжали, и их постригли. . Первая жена моего отца приезжает и наводит порядок (смеется). Те еще порядки.. То есть простые видимо были, такие студенческие отношения. Ну и мама звонит папе на работу и говорит: Женя, скажи Эмме, чтобы приезжала и двигала мебель назад, я двигать не буду (смеется).

В. Ну и как?

О. Ну как, конечно, не двигала. Он сам двигал, я уж не знаю. И в один прекрасный момент, это по рассказам мамы, папа пришел потрясенный, уже такие события кругом были, они тоже по ночам ждали уже чего-то, его вызвали на партсобрание, исключили из

партии. Знаете, одной из мотивировок была такая: что он скрыл свое непролетарское происхождение, женившись на работнице. Она ж была из рабочего класса, на трикотажной фабрике «Новая заря» или где-то там работала. И как и следовало ожидать, тут же его и арестовали. Его арестовали, мама помчалась к Крейнесам, к родственникам...
В. Это получается папин двоюродный брат?

О. Да. Приехала туда, Наташка это помнит, я конечно, этого не помню, но мама приезжала и рассказывала, что папу арестовали, что делать и так далее... Ну, тогда же все женщины ходили, писали письма, выстаивали в очередях, выслушивали всякие пустые ответы. ... ну, конечно, ни ответа, ни привета. Маму вызывают на партсобрание и исключают из партии. За что? За связь с врагом народа.

В. На партсобрании института? Студентку?

О. Да, института. То есть получается что? На следующий день ее забирают.

В. Вы не помните этого?

О. Почему? Как папу забирали, я отлично помню.

В. Вы ж тогда были крошечной?

О. Ну и что, я помню. Я встала в кровати, в пижамке, набычившись, исподлобья всегда смотрела, и они сказали: какой хорошенький мальчик! На что я со злом ответила, что я девочка. И папу забрали. Вот. Я была свидетельницей, все это видела. Конечно, я ничего не поняла. Пришли чужие дяди, опоясанные все португееми, и увели папу. Разбросанные вещи помню. А я в кроватке стою. А когда маму забирали, я спала. Это ночью было, потому что все это мерзавцы делали по ночам, и они сказали Алику... Да, мама, уезжая, сказала: Только позвоните моей маме, значит, бабушке, сообщите, чтобы она забрала детей. «Да-да, мы сообщим».

И маму увезли. Бабушке ничего не сообщили, она жила на Проломной заставе, в жуткой хибаре. Она работала на заводе «Серп и молот», жила в каких-то вонючих двухэтажных бараках, невероятно. Я там была, знаю. Бабушка появилась несколько позже, чтобы забрать конфискованные вещи, ей, как матери арестованной, отдали. А из детского дома меня забрали Крейнесы.

В. А почему бабушка-то не забрала?

О. Во-первых, она была малограмотная, а, во-вторых, я думаю, ей и забирать-то было некуда.

В. Вы знаете, как ее зовут?

О. Ирина Иосифовна Долматова. Она,.. у меня есть, мама получила справку, что она умерла во время войны в больнице, якобы тоже от воспаления легких. Но она, у нее же были суицидальные попытки, она же резала себе горло ножницами. В общем, жизнь повернулась таким боком... А меня взяли к себе Крейнесы.

Нас приехали и забрали чужие дяди и тети.

В. Всех троих?

О. Нет, Нины не было. Чужие дяди и тети сказали Алику: «Мальчик, возьми с собой то, что ты считаешь нужным». Чтобы они шарили или забрали себе что-нибудь – нет, но у нас то и драгоценностей особенных не было.. Может, и стибрили что-нибудь, Мама говорит...

Конец стороны А 1-ой кассеты из трех.

Сторона В 1-ой кассеты из трех

... детские игры, и папин фибровый чемоданчик, с которым он ездил по заграницам,

В. И что же взял с собой Алик?

О. Он себе взял коньки, а мне куклу большую фарфоровую со сгибающимися руками и ногами...И так вот мы оказались в детском приемнике. Но так как я была девочка, а он мальчик, то нас в разные палаты поместили. И всю ночь я вопила, как резаная, требуя,

чтобы меня к Алику пустили. И меня пустили. То есть взяли мою кроватку, поставили к другой кроватке в палате, где жили мальчики. Алик меня приютил. Я там была очень недолго, не могу сказать, сколько, и никого в живых не осталось, чтобы сказать сколько. За мной приехали тетя Шарлота и тетя Генриетта – это тетки моего отца.

Родом из Либавы, то есть жили по соседству. Значит, тетя Шарлота была по фамилии Шувал, а тетя Генриетта – Крейнес. Конечно, без спроса, без разрешения сына и невестки она бы этого не сделала, то есть все было согласовано. У тети Шарлоты была дочь тетя Труда, в честь которой меня Гертрудой называли, любимая сестра моего отца. Все эти дети – они были двоюродные, но очень друг друга любили и уважали. У них родных не было братьев и сестер, они друг друга любили. У нее тоже была дочка Инночка. Инночка была старше меня на 4 года, а Наташка Крейнес была старше меня на два. Вот есть фотография, где все вместе. Меня спросили: «С кем ты, Герточка, хочешь жить – с Инночкой или с Наташенькой?» Так как Наташа была ближе мне, я сказала: с Наташенькой. Но это все было решено без меня, безусловно.

И меня привезли в переулок перпендикулярный улице Чаплыгина - Фурманский. Меня привели туда к ним, и я поселилась у них – до войны. Мне поставили сначала раскладушку, очень хорошо помню, что мне вместо пододеяльника простыню дали, мама Зина нитками пришивала... И я очень быстро стала звать их – мама и папа. Очень быстро. Маленькое тело двух маток сосет запросто. Очень быстро, потому что Наташка их звала мама и папа, и я стала звать мама и папа.

Так как квартира была густо населена, это ж была квартира Крейнесов, старого дедушки Крейнеса, который был адвокатом. Там было 7 комнат, ванная и огромная 18-метровая кухня, с черным ходом все это было, с парадным, с бронзовой такой штучкой над дверью, как это называется, с дырочкой, куда письма опускают. Во сне до сих пор снится... Недавно я там была, с трудом узнала, видно, новые русские поселились... На потолке, на лестнице были росписи, ангелы летали. Это дом был Коровина, начала века или конца прошлого, выстроенного уже на грани веков, трехэтажный был дом..

В. Какого Коровина – художника? Константина?

О. Грамматик был такой, Коровин. В общем, в этом доме жил, ну, а в соседнем адвокат знаменитый жил, два подъезда с этой стороны было, а с другой стороны дом выходил на Чаплыгина. Значит, бывший Мыльников переулок, улица Жуковского. А с той стороны, со двора, улица Чаплыгина, бывший Машков переулок. В общем, до сих пор Чаплыгина, а вообще-то он - Машков. А перпендикулярно ему был Фурманский, где жили мои другие родственники.

В. Кто же был в этой семикомнатной квартире?

О. А туда в 20-е годы подселили, уплотнили, всегда так делали. Вселили людей, с которыми я до сих пор в очень хороших отношениях, со всеми. Наташа как-то собрала всех, устроила квартирный сбор, так сказать. Потом это нам боком обернулось, ну, это неважно, важно, что она на Ломоносовском проспекте уже жила, всех собрала, всех детей, с внучатами пришли, посидели, фотографии принесли.

В. А что за люди-то?

О. Ну, в соседней комнате, бывшей, я так понимаю, детской.. Так, у Крейнесов остались две комнаты – спальня и столовая. Ну, столовая, чтоб вы понимали, столовая – это 36 квадратных метров, с камином, вот тут фотография есть. А спальня – 18-метровая комната. Ну, я без придыхания рассказываю, потому что все это принадлежало моим предкам. Когда мне Инночка, моя троюродная сестра, дочка тети Труды, показала в старости уже фотографии семейные, я поняла, что у моих родных бабушки и дедушки в Минске – а отец мой из Минска - была точно такая же меблировка, даже люстра похожая висела. Это была мода. Ну вы понимаете, как сейчас появляется мода то на хельги, то на стенки, теперь вот на хай-тек мебель, сервиз из ИКЕИ, то есть время рождает свою мебель, да? И вот тогда мебель, так же как и рукоделия для старых барынь Абрамцевского стиля, эта мебель была общая. То есть там стоял в столовой резной дубовый буфет с витражами, он до сих пор жив у нас, он сейчас у Наташки на

Ломоносовском стоит, стол невероятных размеров, который раздвигался, с резными ножками.

В. Сороконожка?

О. Нет, четыре ноги у него было побитых. Под этим столом мы провели большую часть своей жизни. Двенадцать резных дубовых стульев в стиле модерн начала века, все это в стиле модерн. То есть все эти линии, все эти ломаные линии. Как к этому, к Шехтелю пойдешь, все это увидишь. А в спальне стояли кровати с шишечками железными для бабушки и для мамы. Папа спал в столовой. А Наташке и мне поставили потом кровати эмалированные. Столики эти, тумбочки с мраморными столешницами, которые на дачу сосланы, в Абрамцево. Вот, это была старинная мебель, там стояли еще гнутые венские диванчики, стульчики, которые эмигрировали из гостиной.

А в гостиной поселили женщину, которая, фамилия ее была Стругач, она была мать артистки МХАТа Строевой, была такая, Елена, забыла, как ее по отчеству. Она Свет играла в «Синей птице». Красивая была женщина, наши родные всегда очень удивлялись, что она была манекенщицей. Тогда артистов приглашали, когда в доме моды, в доме моделей показывали одежду, приглашали эту артистку. Даже вот из МХАТа, и она демонстрировала одежду. Красивая женщина была. Так вот, значит, в другой комнате, которая раньше была... Это была проходная комната, загороженная шкафами, то есть все через нее ходили, она за шкафами жила. Муж у нее был арестован, так что была из наших. Рядом была комната, бывшая детская, все это с голландскими печами.

В. Работали все эти печи?

О. Вначале, конечно, работали, потом все это заменили на центральное отопление, а печи остались. В бывшей детской, значит, жили Марковичи. Мать у них умерла от туберкулеза, а отец погиб на войне, а бабушка умерла от голода во время войны, потому что всю еду отдавала детям. В результате, значит, девочка Леля, Лена Маркович, она до сих пор жива, осталась за старшую, младший брат Юрка, который на 9 месяцев моложе меня, загремел в детский дом, в ремесленное училище, и так далее. Так что они сироты. И при них, еще в одной комнате, жила Муза Максимилиановна Постникова, которая стала опекуной у них. Чтобы детей не отдавали в детский дом, она взяла над ними опеку. Когда печатали, публиковали списки расстрелянных и похороненных в 23-ей больнице «Медсантруд», на Таганке, я вдруг увидела фамилию Постникова и адрес нашей квартиры. Я схватилась за голову, звоню Лельке, Юрке: ребята, кто же это такой? Оказалось, что это муж нашей Музы, тети Музы, Музы Максимилиановны. Она работала во МХАТе, а раз она работала во МХАТе, то она пристроила меня туда в детский садик.

Еще в одной маленькой комнатке, ну там был кабинет дедушки, там была детская, там была комната для прислуги, все это было напихано людьми.

Еще в одной комнате жила Татьяна Михайловна. У нее была дочь. Татьяна Михайловна в 18 лет родила свою дочку, дочка ее в 18 лет родила свою дочку Маринку, которая была нам по возрасту, ну она была младше, но близка. Мы дружили, все в одной школе учились. Маринка потом родила в 18 лет Таньку, Танька потом в 18 лет тоже родила девчонку, в общем, все в этой семье были молодые бабушки, прабабушки, прапрабабушки, ну а Татьяна Михайловна, бедная, все-таки умерла в доме для престарелых.

В. И все одни девочки, ни одного мальчика не было?

О. Не было. Короче, в комнате для прислуги жила семья Ягудиных, несчастный Адольф Давидович, который время от времени становился Александром Борисовичем (смеется). Знаете, Гертрудами и Адольфами в те времена быть было очень неудобно. У него был Витька, сын. Ягудин. Мать у него была лаборантка или медсестра какая-то. Уходя, оставляла ему вечно овсянку, или овсяный суп молочный, или что-нибудь, и он благополучно все это в окно во двор выливал. ... В общем, ему надо кончать школу, бац, и у него умирает в командировке отец. Мы все очень переживали.

В. А квартира была густонаселенная?

О. Да, густонаселенная. 19 человек было. Все мы на одной кухне толклись. На кухне потом после дровяной плиты поставили две газовые. Так что там все-таки не одна плита была, четыре конфорки, а больше. . То одна печка была на всех ...

В. И один туалет был, и одна ванная?

О. Ванная-то совсем была неотапливаемая, она ж была сначала дровяная ... А у этих Ягудиных была домработница, которая этого Витьку растила. Началась война, они уезжают в эвакуацию в Рубцовку, на Алтае, а ее оставляют. И когда мои родители приемные поехали в эвакуацию, естественно, они взяли эту Пашу с собой. Во-первых, из человеколюбия, она боялась остаться одна, во-вторых, чтобы помогала, как домработницу. Она у них была задокументирована, как своя, Паша.

И мы поехали сначала в Пензу, потому что не думали, что немцы так быстро на Москву наладятся. И когда было 7 ноября, и было знаменитое выступление Сталина по радио, я слушала в Кировске, из-под стола. Там жили родители Ольги Афанасьевны Петровской, директора университета. Так как они дружил с папой Крейнсом, то он списался, сговорился, и мы туда поехали. Мы сначала у них под столом в комнате жили, в Пензе. Там на улице травка росла, и гуси ходили. А потом в какой-то комнатенке, ну, неудобно было стеснять, где-то по соседству, в общем, в какой-то конуре. И вдруг за нами приезжает папа, он был в ополчении, папа Миша Крейнс, он получил броню, университет давал своим профессорам, и он захватил нас, и мы поперлись догонять университет, который к тому времени уехал в Ташкент. И где-то в Кенели, на берегу Волги, мы бабушку потеряли. С эшелона на эшелон переходили, и бабушка ...

В. А бабушка- это Шарлота?

О. Генриетта, или Геноретта, как ее звала Марина. И вот эта Геноретта,... а ведь это же прибалтийская семья, а там немецкий язык был родной, ее вообще-то звали Гретхен, а Шарлоту – Лотхен (смеется), я была бы Трудхен – ха-ха-ха, Бог миловал, это Алик, брат мой, назвал меня Гертой.

В. А что, дома был немецкий язык в ходу?

О. Нет.

В. Но знали немецкий?

О. Знали. И взрослые все знали немецкий, и меня в немецкую группу отдавали, где-то я была одно время. Во всяком случае, был такой странный момент: я в школе немецкий только начала его учить, ну не знала немецкий совершенно, и мне попался в руки Золя, и я читала этого Золя.

В. На каком языке?

О. На русском. А за стенкой – это было в спальне - в столовой, за камином - ругались папа и бабушка. Ругались они по-немецки. Который почему-то я прекрасно поняла. Тема была такая: нельзя разрешать ей читать, ей еще рано. На что папа отвечал: запретный плод сладок, пусть читает. (смеется). То есть где там внутри тебя ... Во всяком случае, когда я очутилась в Австрии, то к концу третьей недели я уже начала довольно сносно по-немецки изъясняться, а вначале ни бум-бум не могла.

В. Ничего не знаю про вашу Австрию.

О. Я вам говорила, у меня жили австрияки, я получила приглашение от приятеля. То есть я хочу сказать, что если в человеке сидят какие-то, неизвестно... Во всяком случае, когда бабушку хватил где-то в 68 году инсульт - Генриетту – ее парализовало, она забыла русский язык, заговорила по-немецки.

В. С кем же?

О. Со мной. Ну, я тогда жила отдельно, я приходила ее проведать, она была парализована (неразборчиво), и заговорила по-немецки. Я еще один случай такой знаю. У нас в квартире на Ломоносовском, когда мы с мамой получили после реабилитации, и там жила женщина, Марья Александровна Юсим, тоже из заключенных, там было трое реабилитированных и одна сексотка из горвоенкомата, в четырехкомнатной квартире. И вот эту Марию Александровну Юсим парализовало. И вот когда ее парализовало, она заговорила по-немецки. Она, оказывается, тоже была из Прибалтики.

В. У нее сына не было, случайно?

О. Был.

В. А как его звали?

О. Кажется, Владимир, нет, не помню.

В. Она не в АЛЖИРе была?

О. Мама говорила, что она была стукачкой. Она, правда, нехорошо к ней относилась. Она, значит, слышала о ней, там, в лагере, она с ней близко была незнакома. И этот сын был моряком, он работал на Соловках, на базе военно-морской. Там была школа юнг. Он приезжал, когда мать парализовало, я с ним познакомилась.

Так вот, мы с ней по-немецки обо всем говорили. Это на тему о немецком языке. Она говорила, что у них в семье все говорили по-русски, а бабушка выучила русский 40 лет только!

В. А она с акцентом говорил?

О. Нет, без акцента. И вот когда она прибыла в Москву...

В. То есть до 40 лет ?

О. ... она в Прибалтике где-то жила, и говорила по-немецки в основном, так мне говорили, что бабушка очень поздно выучилась по-русски. У меня есть где-то ее фотография. Если ее описать, то она была старая ведьма. Во-первых, у нее был один глаз стеклянный, и нам говорили: девочки... стол всегда накрывали хорошо, приборы на стол клали, салфетки, чтобы было все правильно. И нам говорили всегда: «Девочки, если за столом будете махать вилками, то у вас будет глаз, как у бабушки». Теперь я также говорю Катьке, своей внучке (смеется). На самом деле у нее была саркома, ей вынули глаз. Характер у нее, как у всех у свекровей, был, конечно, тот еще. Она была старая барыня, которая привыкла, что все принадлежит ей. То есть она маму Зину и все 40 лет жизни ее изводила, то есть изводила по-черному.

А, кроме того, для меня было что нехорошо, она всю жизнь делала различие между мной и своей внучкой. То есть если папа и мама старались не делать различия между мной и Наташкой, то она это различие всегда делала. Даже подарок на день рождения: Наташке получше, мне похуже.

В. Почему? Вы ж ей такая же точно племянница?

О. Нет. Наташка родная, а я двоюродная. Я внучка ее родной сестры. А мои дедушка и бабушка, по отцу умерли в Минске где-то в 20-е годы. Он был врач-гинеколог, имел свою клинику. И естественно, что армия, я уж не знаю, какая, но наверно она была красная, устроили у него в клинике госпиталь. Он там от тифозных больных заразился и умер от тифа, мне так говорили. А бабушка умерла от чахотки, от туберкулеза.

В. А папа один был сын?

О. Да, папа один был, он сбежал оттуда в 17 лет. Он не имел к ним уже никакого отношения, естественно, за вещами, он туда даже за наследством не поехал. Поехали Лотхен и Гретхен. Хотя его это никогда не интересовало, даже в голове не было. Хотя в наши времена, нас так воспитывали, такие бессеребрянические, кому что принадлежит, про барахло это, никто об этом слова не произносил никакого.

В. При чем искренне?

О. Конечно. Воспитание было такое. А Инночка, внучка Шарлотина, она была старше меня на 4 года, старше Наташки на 2 года. Инночка, она была более меркантильна. Она раньше нас кончила школу, первая золотая медаль, кстати, в нашей школе. Потом она поступила на филфак университета, потом она кончила университет. Надо сказать, что она всегда была в обиде на папу Крейнеса, что он ей не помогал. Ни оставаться в аспирантуре, нигде. А папа, я не говорю, что он был трус, как сказала Наташка, он был очень предусмотрительный человек. Он никогда не оказывал протекции ни родным, ни евреям, тем более.. Достаточно сказать, что у моей сотрудницы дочка 4 года поступала в университет на биофак, ее все время срезали. Последний раз ей поставили 4 по математике, и не брали. Уж 4 года человек штурмует университет, да? Вся из себя вся кругом золотая. Вот. И она меня упростили. Мы взяли такси, то есть она, мать взяла такси, и мы поехали на дачу, где папа в то время в Абрамцево жил. Приехали. Я вхожу, говорю: «Вот это Ирина Ивановна, моя сотрудница, вот у нее дочка поступает». Он прямо в упор

спрашивает: «Они русские? Ну тогда будем разговаривать». То есть он безумно боялся, что его обвинят в том, что он своих, евреев, проталкивает, что его обвинят в пособничестве. Он даже на эту тему не разговаривал. Инночка была в обиде, что он ей не помогал, ни в аспирантуре, ничего, она там на заводе где-то работает.

То есть никто барахлом не интересовался. И эта Инночка уже в старости, мы уже были пенсионерки, эта Инночка мне сказала: знаешь, Герта, они привезли от твоих предков, там был серебряный самовар, там было то, там было се. И выдала мне одну серебряную ложку из нашего имущества.

В. С монограммой?

О. У меня есть с монограммой. У нас с Наташкой в детстве были серебряные ложки, позолоченные и вилки, и ножик с монограммами: у меня моего отца, а у нее – ее отца, то есть детские ложки наших родителей. Сейчас Катька ими пользуется, потому что считается полезным серебро есть, а не алюминий. Глотать в желудок себе. Короче, барахло совершенно не интересовало. Но картины моей бабушки художницы из Минска, видно, были привезены и висели – да, одна вот висит, а еще там были картины маслом, в той комнате. ... да. Вот одна висит за холодильником, импрессионистская такая, «Сад в цвету». Да, она училась в Париже. То есть картины я видела, а что касается вещей, там серебро было или золотишко, я понятия не имею, было оно или нет. Папа совершенно дистанцировался от предков, то есть от своего буржуазного прошлого он совершенно отказался, он был партийный, убежденный, идейный...

В. Так, подождите, Герта Евгеньевна. Вот мне пришла в голову такая мысль. Вот вы живете на Бакунинской, маму уводят, вас уводят в детский дом. А ваша квартира?

О. Две комнаты там было. Они, говорят, отходят нашим соседям. По этому поводу мои родственники считали, что это соседи настучали на папу, смертельно опасны.

В. А ваши вещи? Детские?

О. Пропали. Все ведь конфисковано было. Кое-что потом выдали бабушке Ирине Иосифовне, именно детские вещи.

В. Бабушке Ирине Иосифовне – это маминой маме?

О. Да, маминой маме. Выдали детские вещи, и я скажу, что не видела, я даже не знаю. Меня на полное обеспечение взяли Крейнесы.

В. А вы живете у Крейнесов, и бабушка – та – как-то к вам приходит до войны? Пока еще в эвакуацию вы не уехали?

О. Да, мы виделись, и Алик приходил.

В. А Алик живет у тети?

О. Да, Алик живет у тетки, в Кимрах. Он кончает, ему 17 лет, он поступает в техникум связи, телефонистом, и его посылают работать на шлюз большой Волги, там Дубна сейчас. Я ж не знала тогда про Дубну, я знала, что где-то там колючая проволока. Я один раз была там на этом шлюзе. Алик работал на шлюзе. В какой-то момент (это его версия, это он мне рассказывал) ему предложили стучать на своих сотрудников. Он отказался, с него сняли броню и послали его в армию. Война уже кончилась. Они воевали в Прибалтике с лесными братьями. Он отслужил эту армию, у меня есть его фотография в шинели. Такой военный парень, приехал, женился, как ни странно, в Москве стал работать в метро, телефонистом тоже, на станции «Площадь революции». Могу сказать, как туда пройти, в подсобные помещения.

В. Вы там были?

О. Была. Там появились первые в Москве пылесосы, американские пылесосы, и он приносил его к Крейнесам пропылесосить квартиру, старые вещи. Ну, 36 квадратных метров и 18 спальня. Натереть пол надо? Дубовый?

В. Я не могу понять, сколько там народу живет?

О. Живем мы двое - я и Наташка, папа и мама, и бабушка Генриетта, и домработница, Паша, которая ночует в ванной, которая с нами всю войну прожила. Спит в ванной, а целый день с нами. Вообще, был такой трагический случай, она подметала, или обметала что-то, и нечаянно палкой от метлы разбила такой фарфоровый белый матовый абажур бронзовой лампы, такая над столом висела, в стиле модерн.

В. Большой такой плафон, да?

О. Да, большой такой плафон, и три еще было, таких, кругом висели светильники, двухсветная. Она разбила, стала плакать. А бабушка пришла с рандеву, она ходила на Чистые пруды, на бульвар, это называлось на рандеву. Сплетничали там, они там сидели на скамейке с мадам Гиршман, это была такая-сякая мадам, она была потомок Гиршманов, напротив у них был дом, у Гиршманов, на улице Жуковского.

В. Я знаю Гиршмана окулиста, а это какой был Гиршман?

О. Нет, это были Гиршманы крупные промышленники, вы помните, «Мадам Гиршман», портрет был знаменитый Серова, она стоит. Они тоже были меценаты, знаменитые, и вот мадам Гиршман – какой-то осколок. Они там ляды точили, обсуждали всех своих детей, перебивали косточки. Когда она явилась, а Паша в слезах, а лампа разбита. И вот бабушка сказала: «Ну, что же теперь плакать, разбила, ну что же теперь делать. Надо подмести осколки, и дело с концом». За все ее потрясающие гадости, которые она делала, я ей готова была за этот проступок простить. И простила. Второй великодушнейший поступок она совершила, потрясающий, когда я получала квартиру. Я пришла к папе и сказала.. Значит, мы жили в коммуналке на углу Ломоносовского, но родилась Оксана. Мы жили с мамой вместе в 19-метровой комнате за шкафом. Теснота жуткая, и мы маму стесняем, мама уже ненавидит моего мужа, отношения совершенно испорченные, жизнь кошмарная. И тут мне на работе говорят: «Герта, кооператив организуется, 40 процентов вперед, остальные - 10 лет выплачивать». Я говорю: «а где мне деньги-то взять? Денег-то нет». Я молодой специалист, муж молодой специалист, у мамы ничего нет, и вообще ни у кого ничего. Она говорит: «да что ты, давай, ну, во-первых, через год только построят, копить будешь. Составь список всех нас, своих друзей, и всю сумму недостающую, тысячу рублей, возьми и раскидай. Кто что. Я сама тебе готова, значит, дать». Четыре с половиной тысячи рублей стоила эта квартира. Нужно было внести две с чем-то тысячи сразу, а остальное выплачивать. Вот половину эту – тысячу - дал папа Миша. Я когда пришла к нему и сказала: «папа, у нас такое дело, у нас кооператив организовывается в Академии Наук». А я работала в Академии Наук при кафедре в лаборатории автоматике и телемеханики. В общем, когда говорят о блате или о чем-то, я вообще сильно подвергаю это ...

В. Подождите, давайте кончим вопрос с бабушкой, которая помогла с квартирой.

О. Да, это я перешагнула через эпоху. Бабушка такая была геройская, что она из всех старческих своих зачатков, еще жива была, так сказать, выделила мне половину этой суммы. 500 рублей дала она, и 500 рублей – папа. Значит, я разобралась. И когда я замуж выходила, она мне серебряную сахарницу такую вот подарила, семейную реликвию, правда, не знаю, от моих предков или нет.

В. Неважно, главная, что она семейная.

О. Ну вот. Одним словом, я ездила с родными в эвакуацию, с бабушкой, и бабушку мы чуть не потеряли в туннеле. Тащили вещи с поезда на поезд, с вокзала на вокзал, и бабушка пропала, отстала. А путей там! Ведь это же пересадочная станция. Разъезд такой был, ужасный разъезд! Я в жизни ничего подобного не видела, это конечно детские воспоминания. Но я потом много видела всяких перепутков железнодорожных. Но этот колоссальнейший разъезд из Азии в Европу. Ужасно. Мы сидим на вокзале, с вещами, бабушки нет. И вдруг радио начинает вещать: гражданка – как переврали эту фамилию, я уж не помню, Крякнес, вас разыскивает ваша семья. В общем, бабушку нашли. Впечатление ужасное. И мы доехали. Ехали мы и в купейных вагонах, и в теплушках...

В. Это уже зима?

О. Нет, еще осень ... В общем, въехали мы в Ташкент, уже университет доживал там последнее время, но еще фрукты были, продавали замороженные фрукты в киосках, где мороженное. Забыть не могу этот замороженный виноград, замороженные дыни, сверкающие инеем, в общем, потрясающее зрелище. И очень быстро университет собрался и переехал в Ашхабад. Еще карточек не было, хлебных.

В. Это 41-й год?

О. Да. И мы все это ели, но зато с хлебом. Ну чего там, кормили же из общего котла, и потом очень быстро стали испытывать голод, и там, когда выдавали суп в Ашхабаде, то математики все смеялись, что там одна лапша другую догоняет, в этом котле. Ловили в пустыне черепах и варили. А у меня начался туберкулез, плеврит. И меня – раз – захихали в туберкулезный диспансер. Правильно сделали, они мою жизнь пытались сохранить. А там худо-бедно – чеснок дают, питание детям хорошее. И там я видела смерть от туберкулезного менингита, и какие-то язвы я видела на руках у девочки. Но все-таки, я семь месяцев там пробыла, а учиться в школе я не училась, и естественно, по математике папа и дядя Самарик приходили и учили меня.

В. Самарий – это кто?

О. Это Самарий Александрович Гальперин, на даче которого я сейчас живу, это папин друг с детства, по Чистым еще прудам, а потом они стали профессорами университета. У него две дочки, и у папы тоже две дочки – своя и чужая. Семьями дружили. И вот дядя Самарик и папа приходили и муштровали меня по таблице умножения, и я все время спотыкалась на шестью семь - сорок два, которые теперь просто как молитву знаю, и семью восемь – пятьдесят шесть.

В. А вы в школу до войны-то пошли?

О. Пошла. Я первый класс кончила. И мы уехали. Второй я практически не училась. А когда университет с радостью двинул из Ашхабада в Свердловск, я стала (неразборчиво) В Свердловске в эту суровую зиму, наверно уже 43-го года, наверно уже в третьем классе я была. В Свердловске, я вспоминаю, мы жили в общежитии Уральского индустриального института, теперь он Политехнический. Тогда УИИ назывался. И ходила я, получала усиленное дополнительное питание. Расшифровывалось оно так: УДП – умрешь днем позже. И мама посылала меня, потому что у меня был такой жалкий тощий вид, что мне чуть-чуть омлета давали больше. А как мы ехали из Ашхабада! А там по дороге бартер, и вот где-то марлю и спички, или марлю и мыло, я не помню, что, меняли на дыни среднеазиатские, это были такие сетчатые чудовища, которые благоухали, и все надо было допереть. А когда мы приехали в Свердловск, Паша пошла на базар и сменяла их на гору кочанов капусты, которые лежали в этом общежитии студенческом УИИ посреди комнаты. А в этой комнате кроме нас было еще много семей, студенческая такая общага. Огромная была комната, и мы хрупали эту капусту, и сок тек у нас с Наташкой за ушами, такая она была сочная, такое это было блаженство Мы видели столб на границе Азии и Европы, потому что поезд остановился, эшелон, прямо там – мы долго стояли там, мы вышли на полустанке и на этот столб глазели ... А когда мы ехали по Средней Азии, нас кормили и пловами, потому что им жалко было эвакуированных, из баранины, и компотами какими-то невообразимыми. Вот, наелись мы экзотических кушаний. А из Свердловска мы поехали в Москву, и я вернулась в 4-й класс 615-й моей любимой школы. Только уже в другой класс.

В. То есть вы два года пропустили?

О. Да. (неразборчиво)

В. А о маме было что-нибудь известно?

О. Да. В это время как-то худо-бедно шла переписка. То есть она была, бедняга, в Потьме. То есть она была сначала в Сегеже, потом в Потьме, война наступает, их переселяют, она переезжает в Казахстан. В эту самую Долинке. И в этой Долинке она получила среднетехническое агрономическое образование. То ли это были курсы какие-то, то ли еще что, и я так понимаю, что Селиванов был ее учителем, агроном

В. То есть это был агроном Селиванов, письма которого у нас есть.

О. Он был учителем, и где-то я приготовила тут его фотографию, нашла.

В. Ух ты, фотографию Селиванова нашли?

О. Да. Их троих - мама, это Селианов, а третий какой-то, не помню фамилию. Вот. Она стала таким образом не просто рабочей, на этом хозяйстве, а все-таки младшим агрономом. Ну, так сказать, специалистом.

В. А сколько она успела закончить курсов мединститута?

О. С первого курса ее забрали. При папе она окончила рабфак, папа ей дал много, я так понимаю, он ее подтягивал до себя.

В. Ну там наверно интервал-то у них был, большая разница.

О. Интеллектуально, да. И вообще., культурно... Ну где же это такое, я же приготовила для вас (ищет фотографии) наверно, я ее захала обратно.

В. Ну ладно, Герта Евгеньевна, неважно. И что вы вообще про нее знаете? От нее идут как-то письма, или как?

О. От нее приезжали. Разрешали писать только раз в квартал. Проверяли цензурой. Мне приходили эти письма – треугольнички - с печатью «Карлаг». Я, честно, была уверена, что это – карательный лагерь. Я не знала, что это – Карагандинский. Иногда неожиданно появлялись подарки, с кем-то с оказией. Вот, например, к Орахелашвили, как раз к ней дочка туда приезжала, Тина.

В. Тина умерла этой зимой.

О. Тина умерла? И мой брат, по-моему, вот это я уже точно не могу сказать, куда-то к маме ездил, Алик, туда один раз. Значит, какие-то от нее письма эти по почте приходили, а посылки какие-то так.

В. А что вам говорят дома, где мама?

О. Всё говорят. И заставляют писать письма. Сначала, когда я не умела писать, мама Зина писала прописью, а я копировала. Потом, когда я научилась писать, меня регулярно заставляли писать письма.

В. Диктовали?

О. Нет, сажали и велели: пиши.

В. Вот прямо заставляли?

О. Заставляли. Но вы меня поймите: у меня есть мама и папа, и Наташа. А там у меня есть какая-то мифическая мама, и потом мне во сне снится, что если бы у меня была волшебная палочка, и если бы я этой палочкой, то я вернула и Бакунинскую, и не знаю что, и Алика, и Нину. Но в принципе у меня есть суррогат. Пусть бабушка ведьма, но, в общем, все у меня есть. Я одета, мне и Наташке раз в год шьют весеннее платье и раз в год зимнее платье. Потому что нельзя профессорским дочкам ходить абы как. Портнихи шьют.

То есть я хочу сказать, что меня заставляли. Мне говорили. У меня сложился образ невообразимо хорошей, прекрасной мамы, которая где-то там живет, она мне даже один раз меховую шкуру прислала корсака, это лиса степная, которую убили наверно не в сезон, но она забежала на огорода, и ее убили. Серая такая пушистая зверюга, но так как она не в сезон, то из нее мех этот лез, и поэтому я ее никогда ни на что, я ее потом, в конце концов, выбросила, потому что из нее мех лез, нельзя употребить было никак. Маму, конечно, всячески не забывали, и ей посылали фотографии, моя фотография из зеркальца так и вернулась с ней на родину. В 47-м году срок кончается, и мне говорят... Да, а я вступила в комсомол, причем вступила досрочно, в 13 лет.

В. А ничего не спрашивали?

О. Не спрашивали, нет. Причем папа Миша был против, он считал, что мне надо держаться подальше от всех партийных организаций. А я считала, на Зое Космодемьянской была воспитана, что надо. И в 47-м году у меня не было паспорта, у меня был комсомольский билет. Меня послали, я пошла на Кузнецкий Мост. На Лубянку, в справочную НКВД. И спросила: вот я такая-сякая, вот паспорта у меня нет, вот я уже комсомолка, вот мой комсомольский билет, я хочу знать о судьбе своего отца. Десять лет-то прошло, я считала, что прошло уже 10 лет. Мы ж не знали, что его в 38-ом... Мужик этот, не знаю в каком он звании, с важным видом, выдвигать ящики письменного стола стал и сказал мне, что он жив.

Конец стороны В второй стороны 1-ой кассеты из трех.

2-ая кассета из трех, сторона А.

(начало неразборчиво) ... Вообще в нашей стране нет, невозможно. Ну, эту организацию я боялась панически, потому что время от времени кто-то стучал, то ли соседи ... В общем иногда, когда мама приезжала, ей же не разрешено было жить в Москве, появлялся участковый, или кто-то там с красной книжечкой, демонстрировал ее, один раз это произошло прямо при мне, он позвонил в дверь на Чистых прудах, я открыла, это был участковый, и он спросил: Иоэльсон-Гродзянская Евдокия Сидоровна здесь живет? Я храбро сказала: нет, ее здесь нет, она живет во Владимирской области. Вообще-то она приезжала на месяц, и обычно в течение этого месяца появлялся участковый.

В. А где она этот месяц была, у вас?

О. У нас.

В. И она днем выходила из дома?

О. Выходила. В любую минуту, если тебя выставят в течение 24 часов. Ну, сядешь на ивановский поезд и уедешь. Тогда же не было такого, как сейчас, чтобы за 45 дней билеты покупать надо. Пойдет на Ярославский вокзал, билет купит на поезд и уедет.

В. А вы помните первую встречу с мамой?

О. Первая – это была ужасная встреча. У нее кончился срок в 46-м году. До 47-го их не отпускали из Караганды. Они были вольнонаемными целый год. Потому что считалось, что еще война, так сказать, не ушла, отпускать их нельзя. А потом отпускали, ты выбираешь место проживания, и она сказала, что она хочет ехать к своей сестре во Владимирскую область, что она работает в совхозе «Серп и молот» и что она туда поедет. И вот мы ее встречали на Казанском вокзале. Конечно, все пошли туда, и я пошла на вокзал, Казанский.

В. Все - это папа, мама, Наташа и вы?

О. Все. Кто еще, я уже не помню. И вдруг навстречу мне выходит из вагона женщина, в какой-то овчине, мехом наружу, с чемоданом, с торбой – с рюкзаком, причесанная на прямой пробор, как всегда вот тут косички сзади корзиночкой, она всегда так заплетала, вокруг головы, и значит, от нее ужасно пахнет. Конечно, дорога жуткая, неделю надо было ехать, и там она жила тоже достаточно в скотских условиях, и дорога. Ее привозят на Чистые пруды, и мне говорят: Герта, помоги маме помыться. А где помыться? На кухне. В ванной жила Паша, и там нету ни отопления, ни воды, ничего. Нагрели воду, я помогаю маме мыться, и вижу, что эта тетка мне - чужая. Я не вижу, я ее не узнаю, у меня – ничего! А вот запах кошмарный, в общем, ужас. Это был такой шок! Пусть худобно, я ж в профессорской семье жила. И трудности эвакуации, и эшелоны, и что угодно, но это ничто в сравнении – ну, вот как сейчас бомжа увидишь, и какую-то жалость к нему питаешь, но рядом не сядешь, правда? Вот, это был шок.....А так как очень боялись, то она очень быстро уехала дальше во Владимирскую область в Бамлены. Бамлены – это следующая станция за Кольчугиным. Кольчугино – это была станция, 140 км от Москвы. Там жила ее сестра тетя Маруся, которая в свое время Алика взяла. Она жила с четырьмя детьми, с мужем, и он был агроном этого совхоза, это было подсобное хозяйство завода «Серп и молот» в Москве. И маму туда взяли садоводом, овощеводом. Был большой барак, деревянный, рубленый, в этом бараке жило несколько семей. Было печное отопление, стены были из бревен, в которых были щели. В этих щелях жили тараканы. Тараканы полчищами ходили, мама говорила, что избавиться от них нельзя, потому что их надо вымораживать. То есть нужно зимой всех выселить, открыть окна и двери, выстудить, и они все замерзнут, тогда их сгрести. Но так как людей некуда выселить, жилья нету, то и выморозить нельзя. Либо на плите клался поднос, там была дровяная плита, на него пища – хлеб или что, набегали тараканы, и потом их в топку кидали, конфорку снимали и туда бросали тараканов. Иногда я брала цыпленка вот так за крылышки, молодого, мама держала цыплят, я из Москвы привозила, из зоомагазина на Кузнецком, покупала и в бидоне везла, цыплят. Подносишь к щели к этой в бревне, и цыпленок оттуда выхватывает эти яйца и этих тараканов.

В. Ну сколько цыпленок мог выклевать?

О. Просто развлечение. Потому что когда мы приехали первый раз туда летом, значит, Крейнёсы поехали на дачу, а мне сказали: «Ты едешь к маме!». Я понимаю, это было

сделано не для того, чтобы от меня избавиться, чтобы мои родственные контакты восстановить. Пашу снарядили, она тащила чемодан. С посудой, они собрали маме, там барахло всякое, ложки, плошки, пластмассовые тарелки, чего только туда - у нее ж нет хозяйства, нет обихода. И мы с Пашей поехали. Вылезли в Бамленах, и 7 километров надо идти пешком. В неизвестном направлении.

В. Это вам сколько лет было?

О. Мне – 14. Узнаем, в каком идти направлении. Идем. Приходим в этот совхоз, в этот барак, ну конечно там все знают, где Дина Сидоровна, пожалуйста, мы вас приведем, покажем.

Вот, вчера я получила письмо от Раечки, бывшей Вдовиной, которая была в соседней комнате жила, в этом бараке. В Кольчугине до сих пор живет.

Значит, там все напихано детьми и всеми семьями под завязку, в каждой комнате. Так что зимой выселить некуда, хочешь-не хочешь, а живи с клопами и тараканами. А кормить-то, в общем, этих цыплят было нечем, и вот у этой Раечки отец был посажен на 5 лет, он был полевод, за то, что он в кармане – он взял карман овса, чтобы накормить кур дома. Потому что у него была семья из восьми детей. Жена и восемь детей, которых нечем кормить, мать-героиня она была. Естественно, отец семьи, ну должен же он был кормить, а голод был, 47-й год, я не могу описать какой. То есть люди воровали у мамы там, в этом овощном хозяйстве ее, салат, они не знали, как его употреблять, они разводили в кипятке, он в тряпку превращался, вообще Бог знает что. Ужасно!.. В общем, Алик ходил в лес, когда он туда приезжал, набирал целое ведро муравьиных яиц, приносил, бросал на улицу курам, и эти цыплята исполняли дикий индейский танец, они клевали и подпрыгивали, они клевали за ноги (смеется). Мама растила поросенка, так же как она это делала в Казахстане, всякими объедками кухонными, у нее были связи в столовой, правда. Там у нее были талоны на питание, и связи в столовой, так сказать, Вась-Вась, я вам капусту, и ей объедки отдавали, и она этого поросенка кормила. Потому что иначе не проживешь, не на что жить. И вот наступает сезон, капусту надо отвозить в Москву на завод «Серп и молот». Мама погружается в самосвал, а дороги владимирские – это не описать. Они и сейчас, в общем-то, приблизительно такие же, но может получше немножко, но в совхоз грунтовая дорога развозилась так, что через овраг на той стороне дежурил трактор, чтобы машины перетаскивать за цугундер на ту сторону, потому что они там завязали. По дороге они разъезжали дорогу на сто метров в сторону влево и вправо, чтобы проехать по целине и не завязнуть в луже. Ну и мама, естественно, везет капусту, сопровождает. Это был такой ужас, мама через Киржач ехала, по Владимирке, по шоссе Энтузиастов, в Москву. И мальчишки – голодная Москва – влезали, скидывали эти кочаны на землю, воровали. Ничего с ними сделать было нельзя.

В. А она ж не может не довести?

О. Да. Она должна. Меня оставляют дома. В деревне, в этом совхозе. С поручением – выводить на работу бригаду женщин, работать. Ну там, не знаю, какие-то галочки ставят, не знаю, в столовой талоны, чтоб я там ела. Вот. И я вывожу этих баб на морковь.

В. А женщины какие?

О. Беременные.

В. Они кто? Тамошние обычные деревенские беременные бабы? Живут они там?

О. Деревня-то маленькая, жалкая. Совхозные бабы. Они выходят на работу, садятся на бугор и лясы точат. Потом набивают себе - не вру! - вообще сейчас презрения никакого не испытываю. Но я же была комсомолка, мне было 14 лет. Они резинку от трусов этих фиолетовых отжимают, насовывают туда сколько можно морковки, и с этим идут домой. А галочки-то я им поставить не могу! я плачу перед агрономом, что они ничего не делали, я не могу их выводить на работу, я не могу им поставить зачет, что они были на работе. Он говорит: ну ладно, я сам разберусь. Пожалел меня, да. Идет время, значит, мне дают наряды. В наряде написано: выдать бухгалтеру совхоза, такому-то, я забыла, как его, ах да, Иннокентий Петрович, два килограмма капусты. Как вы думаете, вы сейчас по виду кочана капусты можете сказать, сколько он весит. А если он в поле растет. А как? А вдруг ты на 200 грамм больше дашь. Ошибешься.

В. Ну и что?

О. Значит, ты социалистическую собственность украдешь. Как это можно? И вот я шагаю по полю, вдоль рядов, за мной шагает на длинных ногах этот несчастный взрослый старый человек. А я иду, тыкаю и гадаю: сколько же весит этот кочан? Наконец мы останавливаемся около какого-то кочана, я не помню, кто, он или я – он, по-моему, уже выбрал – мы идем в весовую, взвешиваем, оказывается два кило двести грамм. И я про себя - дура, идиотка! в это голодное время, честному человеку, который работает, в это голодное время говорю: двести грамм лишних, это же кража ...

Время идет. Талоны кончаются на питание. Я голодаю, а мамы нет. Бабы из столовой начинают меня манить: Герта, иди, кушай. Я говорю: у меня талонов нет. Иди, иди, мы тебя покормим. Я прихожу, и меня кормят там щами или чем-то. И, о ужас!!! Оказывается, они-то их какой-то бурдой из котла кормят, а себе в отдельных кастрюльках, да со сметаной! (смеется) Такой был для меня позор, ужас!

В. А где ж вы такая комсомольско-коммунистически настроенная выросли? Неужели в профессорской семье?

О. Да вот в школе номер 613 имени Некрасова. У нас назывался - женский монастырь.

В. А кто ж вас так коммунистически воспитал? Профессор или все-таки комсомол?

О. Профессор меня воспитывал по законам христианской морали. Хоть сам он был иудей. Вот, мама была православной, мама Зина, но все не верили. Все считали, что Бога нет. Вот. Комсомол, школа. Я не знаю, 33 девочки у нас были в классе, все были такие, святые.

В. А за что ж мама сидит?

О. За что мама сидит – это ошибка, она член семьи изменника Родины... В общем, короче, жизнь в совхозе была тяжкая. Ну, за два кочана капусты ... Да, мама ночью появилась. Постучала, я бросилась к ней на шею и зарыдала. И от поступков, что я на 200 грамм больше капусты, и что я ела из кастрюльки чужой чужие щи, и что морковку они воровали, что я не справилась с комсомольским поручением.

В. И что она вам сказала?

О. Ничего. А рядом – еще до того, когда еще в бараке жили, потом уже дом финский построили – в бараке там жили вот эти Степановы-Вдовины. У них было 8 детей - 4 мальчика, 4 девочки. А папа сидел, значит, за кражу 400 грамм овса. Короче, один из этих мальчиков, второй по возрасту, да, 4 мальчика мал-мала меньше, и 4 девочки, мал-мала меньше. С младшей девочкой я играла, она моложе меня, учила ее, и всех детей, я ж активная была, заводила, значит, я учила их всех городским играм, песням там, танцам всяким. Дети на меня молились, естественно. Такая городская фря приехала. Одели меня, сшили шаровары по колено, черные, с резиночкой. И небесно-розовая рубашка, из сатина, на мне была. Зато в этих шароварах удобно было кувыркатся, бегать, прыгать, не страшно, да? В сарафане-то хуже. И я с этими детьми развлекалась. А Колька – он уже работал на заводе в Кольчугине. Там кабельный завод был, и станко-какой-то, станки делали, он работал на заводе. И видно, я ему нравилась, ему было 17 лет, а мне – 14. И он эти 20 километров до Кольчугино - 7 километров до Бамлена и 20 – до Кольчугино – проходил пешком и приносил мне шоколадку из своих скромных заработков. Естественно, там вечером начинают все петь, и из далеких-далеких окрестностей доносятся голоса: то в Забелино запели, то в Шишкино запели, то в Тимошкино. Люди идут, все с гармошками собираются, вот, и в совхозе начинаются танцы.

В. Каждый день? Или в субботу и воскресенье?

О. Нет. Тогда было только по выходным. И они начинают, но они не знали ни танго, ни фокстрот, тогда единственный в совхозе приемник был у цыгана, Павел его, по-моему, звали, такой был цыган, который накопил денег и купил детекторный приемник. Ни у кого не было ни радиоточки, ничего. В 47-м году.

В. А электричество было?

О. Электричество было. И тараканы. Вот, и они собирались, ну молодежь, надо же развлекаться, и еще приезжали рабочие с завода «Серп и молот», помогали по хозяйству..

Их на машинах привозили и увозили. Естественно, все собирались на такие вечеринки. А когда начинали петь, в полях вечером, среднерусская местность; с такими пригорками, с холмами, рощами, лесами, речками, замечательные места. Жалко, что там большой речки никакой не было, ни большого озера никакого не было, это место было безводное. В общем, идут и собираются на танцы. Начинают дробить, елецкого. Один выходит вперед, поет частушку, дробит ногами, потом второй выходит навстречу ему, поет частушку, и дробит ногами, и девушки, и парни, и с матерком.

В. В частушке как без него.

О. Ну да. Страндания поют.

В. Вот она, профессорская-то семья. Вы ж этого ничего не знали.

О. Ну да. Я этого ничего не знала, а тут я все узнала – и страдания, и елецкого, и частушки, особенно я конечно узнала про Кольку всякие частушки.

«На горе стоит сарай,
дома у меня Николай,
помашу ему рукой,
здравствуй, Коля дорогой».

Вот в таком духе, значит, все пели.

«А мне милый изменил,
стала я с ума сходить,
в незатопленную баню
стала париться ходить».

«А мне милый изменил,
я упала перед ним,
я упала и сказала:
слава богу, изменил».

Ну, в общем, я там этот фольклор изучала, стояла, и это был первый мальчик, который меня поцеловал, этот Колька Вдовин. Естественно, что когда я уехала в Москву, то я, как комсомолка, стала ему письма писать, а он мне стал писать, и моя профессорские родные испугалась до посинения. Они ужасно испугались, как бы я не принесла в подоле чего-нибудь. Как это было оскорбительно, я вам не могу описать как. Это было ужасно оскорбительно, потому что я была такая вся из себя, чистая и порядочная, я не знала, как детей делают, и мне такие вещи говорили.

В. А что прямо говорили открытым текстом или так, намеали?

О. Да, говорили. Мама Зина говорила. В общем, короче, они испугались. Ну, они обо мне заботились. А там я до четырех часов ночи гуляла, эти гуляния под березами, эти песни, эти поцелуи, пока роса не начинает, туман, спускаться, до тех пор стоим.... Возвращаюсь, а дверь дома, где мама живет, заперта. И я открывала окно и влезала через окно в комнату, через спящую маму, причем как я умудрилась открыть окно, стукнуть ее створкой по голове.

В. И она не проснулась?

О. Проснулась, конечно. Нет, во всяком случае, она меня не ругала. Не запрещала. А я вообще была такая девчонка, в этих штанах своих до колена, и с шофером ездила по полям на машинах, смотрела, как комбайны убирают, сено копнила. Зерно когда убирали, сушили там на открытых токах. То есть, вот с утра приезжал там и выезжал в поле шофер, я к нему садилась и в кузове этой машины до самой ночи ездила. И вот к ночи, вечером, запели уже кругом, он застрял в луже и выехать уже не может. И кругом доски какие-то таскает, сует, ну что там в поле, ничего нет, никаких палок. Я ему говорю: ну, может пешком домой пойдём? А он: да я всю войну прошел, да я чтоб из этой лужи не вылез!!! И представьте, выехал, правда приехали домой Бог знает когда, поздно. Нет, мама мне доверяла, и ничего со мной не случилось.

В. Скажите, а это первое лето после ее приезда, и на первое лето вы едете с ней, ну фактически знакомиться?

О. Нет, первый раз я приехала с Пашей.

В. Но Паша-то уехала, а вы остались?

О. Да, второй раз я приехала, уже финский домик был.

В. То есть первый раз вы едете к ней после ее приезда и живете с ней вместе?

О. Да.

В. И как же найти какие-то контакты?

О. Ну, вот она старалась. Мы сели с Пашей, сейчас помню, за стол, когда тараканы-то, она поставила кисель овсяный на стол. Кисель не из чистого овса. Ну, из того, что остается от очистки овса. Серый такой студенистый кисель, потом я его полюбила, если его посыпать сверху сахарком или еще полить красным киселем, помните, тогда еще в брикетах кисели такие делали, есть можно. Я ем. А нужно было правой рукой есть, а левой стучать по столу, чтобы отогнать тараканов! Во какая была жизнь... А там, значит, за стенкой жила эта семья из восьми детей. Сейчас в живых осталась одна Раечка. Младшая девочка. Все остальные перемерли. Так вот, на следующий год или там через год выстроили домики. Завод «Серп и молот» выстроил своим специалистам, выстроил финские домики сборные, и у мамы появился домик на две комнаты. В одной она. А в другой соседней, кто-то еще.

В. И там тоже тараканы?

О. Нет, в таком доме тараканов не было. В таком доме можно уже было их выморить, можно не завести. И вдруг приезжает Алик. Алик, бедняга, когда уже женился в Москве, он завербовался в Дальстрой, на Дальний Восток, за длинным рублем поехал. Жена через год поехала за ним туда, Анька. Они оба были телефонисты. Поселок Ягодный. Центр золотодобывающей промышленности. Там нужны были телефонисты.

В. Знаю. Все наша территория.

О. Да. Он мне потом рассказывал, как он этих на развод водил, про уголовников рассказывал, не про политических. Страшное дело. Когда женщины лесбиянки, в общем, одна исполняет роль мужчины, другая женщина. Та, которая мужчина, не хочет работать, заставляет женщину. Жуть какая-то, и их заставить нельзя, вот. И как он один раз голодал, остался по какой-то причине один, и питался целый месяц одними куропатками, и с тех пор он птицу на дух не переносил, и есть ее не мог. И он родил там дочку. А так как витаминов не было, у девочки начался жуткий авитаминоз. Желая ее спасти, семимесячного ребенка, а у матери.. Там же только через три года можно поехать в отпуск на полгода - он ее фактически украл у Аньки, взял ребенка и поехал в Москву. А мне дал телеграмму, что он едет. Откуда-то из Иркутска. И все, и пропал. Мама с ума там сходит, я, значит, в Москве. Бегу на почтамт. Хорошие везде люди! Я вообще убедилась, что у нас в России полно хороших людей, только надо знать, с какой стороны к ним подойти. Я к бригадиру телеграфистов, на почтамте центральном, на Мясницкой. И говорю: «Знаете, вот у меня брат едет с Дальнего востока с грудным ребенком, последняя телеграмма была из Иркутска, и пропал, ни слуху, ни духу. Вы не можете дать телеграмму с оплаченным ответом, - я заплачу, - незнамо куда, начальнику вокзала ли, или в вокзальную гостиницу, я не знаю, что там есть ... не видели ли Александра Николаевича Долматова, с грудным ребенком, не знаете ли вы что-нибудь о его судьбе, ответьте, пожалуйста». Приходит ответ.

В. Откуда? Из Иркутска?

О. Оттуда. Из этой самой гостиницы. Из железнодорожной. Оказывается, есть там. Приходит ответ, что был такой Александр Николаевич, и что он уже уехал. Потом приезжает Алик, и оказывается, что всю дорогу он пил, ведь дают же большие отпускные деньги.

В. А ребенок?

О. Ребенка у него отобрали, сунули в Дом младенца. Он выкрал Ольгу, и поехал дальше. То есть когда моя телеграмма пришла, он уже это дело проделал. То есть украл своего собственного ребенка и поехал дальше. Приехал, привез к маме, а мама же работала,

отпуск у него кончается. Ему надо уезжать обратно. Он просит маму взять Олю, а Оля стоит еще в манежике и писается. Манежик он сам сколотил из двери старой со столбиком. И я там в это время была. И мама говорит: «Ну я же не могу, я ж целый день в поле. Представь себе, с кем я ребенка оставлю». Там же у Маруськи Козловой был такой случай: у нее был ребенок, ну, все дети от разных мужиков. И один ребенок, Колька-комендант в полуторалетнем возрасте ползал в грязи перед дверью барака, это при мне было. И вбежали свиньи совхозные, отошавшие, голодные, которые по дороге сметали все огороды и вообще все, что попадалось на пути. И такая свинья напала на этого Кольку, и уже заглотила ручку к себе в пасть. Люди увидели и вырвали. Ну как вот в таком месте оставить своего грудного ребенка, эту Ольку? Годовалая, значит, уже, на ножках она стояла. Он договаривается с теткой Дарьей, Дарья Сидоровна, жила в Москве. Гусар ее фамилия, была замужем за мастером каким-то с завода «Серп и молот», жила на Рабочей улице. Все там же на Заставе Ильича. И она не работает. То есть сначала она была продавщицей в каком-то ларьке. Но это неважно. Важно, что Алик ее уговорил, что он ей будет посылать алименты, только чтобы ради Христа она взяла Ольку, а он уедет на Дальний Восток. Значит, я на третьем курсе института уже, а за Олькой, в общем, приехала мать, в отпуск приехала, и забрала ее и увезла ее обратно в Ягодный. А он в какой-то момент перестал ей добровольно деньги присылать, и тетка, не будь душой, подала в суд и с него взыскивали алименты. А он там пьет по-черному. Там не было водки, был спирт. Продавали спирт. Люди спивались начисто, а если у человека плохая наследственность в семье, и он поддался алкоголю, то это конец. В 1960-м каком-то, какой год? второй класс у Оксаны, ну-ка, давайте прикинем, 66-ой, кажется, год, я в 63-ем здесь поселилась, значит, 66-ой, у мамы инфаркт. Я пишу ему письмо.

В. А он все в Ягодном живет?

О. В Ягодном. Пишу письмо, что с мамой плохо, и неизвестно, будет ли она жива, а у меня вот квартира, комната пропадет, и он приехал с Олькой. Ольке уже было 16 лет. Вот когда он вернулся. И академик Петровский, наш папа Миша попросил, как депутат Верховного Совета хлопотал, и Алику через год разрешили прописку в Москве. Он прописался у мамы на Ломоносовском проспекте, а я уже жила здесь.

В. Он с Олей приехал, без жены?

О. С Олей, без жены. Жена – там же на Дальнем востоке уходят на 5 лет раньше, уходят на пенсию – она приехала, не помню, через сколько, приехала, года не прожила в Москве и умерла от рака. Тогда ее подруга была, она сказала, что одно время на Дальнем Востоке после Хиросимы и Нагасаки очень много ловили рыбы, ведь знать не знали, что она заражена, и очень многие люди умерли от этого. В основном от рака. То есть она не удивлена была, что Аня же молодая, в 50 лет умерла от рака. Алик через полтора года после нее умер тоже, спился окончательно, начал пить, сдержатся не было никаких сил, потому что горе такое, жена умерла.

Ну, так я про совхоз-то закончу. Так. Значит, Сталин помер. И уже маме захотелось поближе к Москве, ко мне, и она стала искать другую работу, в газетах местных владимирских появляются объявления, в Суздаль вроде требуется агроном, там агроном, сям агроном. И она устраивается в Александров в совхоз Дорос, дорожников снабжения, значит. А это под Александровым, значит, два километра. Она переезжает туда, а это уже прямая ветка с Москвой. Ведь тогда электричка еще не ходила, и все поезда – на Иваново, на Кинешму, куда угодно – идут через Александров. Рабочий поезд везет до Загорска, а от Загорска ходит электричка. Вот этот ужас езды в поездах после амнистий, я забыть не могу. Потому что это было до того страшно!..

В. Из-за уголовников?

О. Из-за уголовников. Ну там вообще-то как мы, идиотки, с подругой Женькой Кроль, которая сейчас в Иерусалиме живет, две идиотки, мы с ней пешком ходили от станции Бамлен до совхоза ночью и песни пели-орали. А на следующий день слышали, что кого-то ограбили, убили. Это Бог с ним. А в поезде было еще страшнее, потому что деваться некуда. Стоишь на площадке, сесть негде, а вокруг тебя незнамо кто. Мы стоим, прижавшись с одной женщиной друг к другу, и только молим небо, чтобы нас никто ни о

чем не спросил, не заговорил и не тронул. Рано утром, где-то там поезд приходит в 6 часов утра на Ярославский вокзал, мы ходим, и выясняется, что она работает в филармонии, ну, скажем, в Иваново, а едет в другой город, скажем, в Ростов, и ей негде переночевать в Москве. Пианистка. И я, наивный же была человек, я ее привожу к Крейнсам в квартиру, говорю бабушке, никого не было, все были на даче. Говорю бабушке, что вот тут моя знакомая, мы ехали вместе, вот она пианистка, она садится, она нам играет потом Шопена, в общем, она переночевала у нас, уехала, я больше ее не видела. Когда узнали родители!!! (смеется) То есть, я могла привести кого угодно.

Мама уже поселилась в Александрове, я уже поступила, в энергетическом институте училась. Она живет у бабы Кати, потому что в совхозе Дорос негде жить. А рядом есть деревня Вески. В деревне Вески уже два года нет колодца, потому что его засыпало или еще что-то с ним испортилось. И было недостаточно мужиков, чтобы его выкопать обратно и починить.

В. А откуда же воду брать?

О. Ходить.

В. Куда?

О. За несколько километров. И вот там, значит, баба Катя живет в избе под соломой. Я приезжаю к маме, есть у меня фотография вообще, той хибары, где она потом жила. Значит, дом, крытый соломой, изба под общей крышей. Как всегда, двор хозяйственный. В этом дворе куры живут, там же туалет, надо испражняться там же, вот. Там же собака сидит на цепи, которую никто не кормит, она с голодухи ловит пробегающих мимо кур, жрет. А бабка, значит, спит на печи, а мама снимает у нее угол и спит у стенки на кровати. Когда я к ней приехала, мы спали вдвоем на этой кровати, укрывшись матрасами, вообще всем, что можно, потому что все это приледеневало к стене избы. То есть ужасные условия. И когда наступило лето, мама договорилась в совхозе, и вымыли кусок сарая, в котором делали зимой торфо-перегнойные горшочки, у меня фотография есть этого сарая, она в сарае потом жила. Потом, наконец, выстроили двухэтажный каменный дом. Даже с туалетами. Ну, кто же делает туалеты в деревне, это ж вообще смешно. Там же нет такого водопровода, чтоб это все слить. Ну, в общем, все равно нужно было пользоваться туалетом на улице, потому что дом весь провонял, как на Проломной заставе. Ну, мама недолго прожила, ну и тут мои друзья, однокурсники, сказали: «Герта, пиши заявление». У подружки была мама архитектор, она научила меня, как писать заявление в прокуратуру, я написала в прокуратуру...

В. Это был уже 56-й?

О. Да. За себя. Пиши за маму и за папу. В общем, их реабилитируют. Но как получить в Москве жилье, если в Москве не прописан? Я пишу, значит, заявление, умоляю в Моссовете, везде, что замкнутый круг. Вы поймите, вот, значит, человеку жить в Москве нельзя, потому что нет прописки, значит, не устроишься на работу, а если ты не москвич, то тебя не ставят на очередь. Я ж не требую свою комнату на Бакунинской, правда же? Свою жилплощадь... В это время строили на Ленинском проспекте, на углу Ленинского и Ломоносовского вот эти сталинские дома. В общем, в конце концов, мама последний год жила у Крейнсов на положении приживалки, домработницы. Уехала из совхоза. Не работала, жила у них, ждала, пока нам дадут комнату.

В. А Паша?

О. А Паша – очень интересно – она вышла замуж. Она ссорилась со старой бабушкой, с Генриеттой, старой барыней, та считала, что у нее все крадут. Ну, Паша, ну у кого она украдет, ну смешно. Но бабушка считала, что у нее все украли. Старой закалки была, если что-то пропало, значит, украли, и всех оскорбляла. Считала, что соседи воруют, и Паша ворует, все воруют. И вдруг Пашу сосватали с инвалидом войны, с таким, который контуженный. Очень страшный инвалид. Он жил в городе Красноармейске Пушкинского района, устроился там, ну, вахтером, что ли, и она с ним там. Под конец жизни ему дали квартиру там, как ветерану войны. Тетя Паша там жила, года три назад я еще знала. Надо Витьке Ягудину позвонить, о ней узнать, он лучше о ней знает, жива она или нет. У нее сестра была в Москве. Сестра всю жизнь работала прислугой. Я даже в этом доме была и в

ванной мылась! Знаете, у кого? У министра, а потом председателя Госплана, этого, как его? Бабаков!

В. Байбаков.

О. Да-да. Она у него все время была кухаркой. Ее очень любили, и он выхлопотал ей квартиру, в кооперативном доме купил, на Фрунзенской. Он хорошо о ней заботился.

В. Она много лет у него была?

О. Да. С его семьей дружила, и его внуком. Ну, в общем, короче, сестра Катя жила здесь. Последнее время, когда Паша, уже почти слепая, приезжала к ней, она останавливалась у Кати, ну и, как все нормальные женщины, завещали свои квартиры своим племянникам, потому что они были бездетными. Они подарили свои квартиры – та в Красноармейске, а эта – в Москве – своим племянникам, а в результате оказались фактически одинокими, брошенными всеми женщинами. Последние у меня вести были такие, что Катя уехала к Паше. Что они там, ну время от времени кто-то их клал в больницу, потом забирал. Ну, когда я была у Паши, заехала к ней, ехала из Абрамцево, в пятницу, и заехала к ней, разыскала ее, нашла ее квартиру. Долго-долго звонила в дверь, но она не слышала, потому что она не видела уже телевизора, она сидела с приемником возле уха, с радиоточкой, и целый день она слушала радиопередачи. А делала в доме все наощупь. Она меня хотела угостить. В холодильнике были наполовину испорченные продукты, мне было стыдно за конфеты, которые я привезла, потому что конфеты ей были совершенно не нужны, нужно было совсем другое. Вот. Мы с Наташкой время от времени ей пытались помочь...

В. А бабушка до какого года дожила?

О. До 68-го. Она дожила до 88-ми лет, ровесницей была Сталина.

В. Скажите, насчет Сталина, а когда Сталин умер, вы помните?

О. А как же! Меня ж чуть не задавили на Трубной.

В. А вы что пошли на похороны?

О. А как же. Это – ужасно! Я училась в энергетическом. У меня была компания ребят. Я же была в женской школе, а ходила в радиоклуб во Дворце пионеров.

В. На Стопани?

О. На Стопани. И меня там, так сказать, моим первым наставником и учителем был – кто бы вы думали - дядя Володи Кара-Мурзы. Витя Бесенек там радиотехнику преподавал, это была моя первая большая любовь в жизни...

В. Взаимная?

О. угу. И он из-за меня пошел в Энергетический институт. Я пошла, и он пошел. Но я-то была с медалью, прошла через собеседование, а он-то, со своей испорченной биографией, шел на этот же факультет, но он сдавал экзамены. Он был гений. Этот гений кончил самую провальную специальность – кабельную изоляцию – конечно, он ни минуты по кабельной изоляции не работал, уже наступили светлые времена. Мы же кончили, в 56-м получили дипломы.

Конец стороны А второй кассеты из трех.

Сторона В второй кассеты из трех

О. Ну нельзя же водить на веревочке молодого человека долгое время. Это невозможно. Нельзя. А у нас будущего не было. Мы еще не знали, где мы будем работать. Вместе учились в институте. И через два года у нас отношения распались. Но я его все время любила, и до сих пор люблю.

В. Он жив?

О. Он жив, мы последний раз виделись на похоронах Межевича. У нас была большая компания такая ребячья, по Стопани. И Феликс Межевич это брат Димы Межевича, который играет в Театре на Таганке, их было четыре брата, два близнеца.

В. Скажите мне, как вы пошли Сталина хоронить?

О. А, да. Я училась в энергетическом, я уже жила в общежитии МЭИ, там, на Лефортовском валу. Дело в том, что вот та компания, которая по Стопани, там был такой Витька Стелифировский, вот, у меня тоже есть фотография, мог часами без передышки говорить. Когда он так говорил, то мой бедный будущий муж от растерянности сел на пепельницу, так его Витька затретирил. Ну, он был такой мачо, он и стреляет, он и на мотоцикле, он и на том, и на сем. Мать подполковник милиции, отчим – подполковник милиции. Ну, в общем, крутой парень с шизоидным уклоном. И с алкоголем в голове. Мы с ним пошли на похороны. Мы начали спускаться от Лубянки, пошли за всеми, за всеми, за всеми. Нас завернули в сторону бульваров, пошли по бульварам вниз, спустились к Трубной. И народ странно себя вел: люди анекдоты травили, я не видела слез и рыданий, кто-то там был мрачный и подавленный, ну в общем, люди, как и во всякой толпе.

В. А пьяненькие?

О. Нет, нет. Этого я не видела. Ну, в общем, спускаемся. А там же очень крутая гора, там Рождественский бульвар вниз, но чувствуем, что там все уплотняется, уплотняется. Нас же пихают сзади, то есть уже выбраться в сторону как-то проблематично, и все говорят: да вот, пройдем, там просто медленно пускают. Доходим до Трубной, а кругом стоят машины, машины стоят, солдаты стоят. Машины, значит, бортами плотно друг к другу, почти не проскользнешь. И вдруг меня толкнули, и вот там Авиационно-технологический что ли институт какой-то был, и очень плохой бортик у тротуара, наклонный. То есть если бы даже это была ступенька, я бы могла, ногой ощутила бы ступеньку, а тут нет. Тут какая-то покатошь такая, я зацепилась и упала. И по мне пошли люди. Витька ничего сделать не мог, не мог меня вытащить из этой каши. Уже люди прыгали, то есть они об меня спотыкались, соответственно. И меня спас солдатик возле этой машины, он меня выволок. За что, за какую деталь моей одежды или за руку, я уже даже вспомнить не могу, такой это был дикий фанатический ужас. Из-за чего я не хожу на митинги, ни к какому Белому дому, ни на какие призвания никаких Гайдаров.

В. А куда он вас выволок?

О. Ну туда к машине. Мы обнаружили там проход. Мы вышли к этому институту, там уже дальше был другой бульвар, вверх, там жилые дома. Люди говорят: вот, можно по крышам пройти, по чердакам, пройти к Колонному залу, некоторые так и делали, как я потом узнала. Витька говорит: никуда не пойдешь, я тебя не пущу. Мы зашли в подъезд, забрались на какую-то лестницу, сели у какой-то квартиры, люди нам даже вынесли попить, посидели. Витька говорит: «Едем домой. Ни на какие чердаки, никуда я тебя не пущу». Молодец парень, он чуть-чуть постарше меня был. Приезжаю я в общежитие и узнаю, что двоих из нашего общежития - мальчика и девочку - задавили насмерть. Мало того, на следующий день все рассказывали, как там брошенная была обувь, очки, шляпы, одежда разная, все это потом собирали с этой площади. Уж про количество трупов никто тогда не говорил. Знали, что вот погибли. И со мной на работе всю жизнь работал такой Куценко, и сейчас с ним поддерживаю отношений, он на пенсии. Женька, и вот этот Женька Куценко, был брат близнец у него, и близнец вот там погиб в этой свалке. Что с матерью было, описать невозможно. То есть, это было ужасно. Там все было в кучу. Вот. «Что будет, вождь народов помер. Отец родной...» Пусть я считала, я тогда уже считала, что все это - преувеличение. Вот когда у него был юбилей, я подсчитывала, сколько в газете «Правда», в одной газете, номер я видела, упоминается число раз фамилия Сталин. Двести! С лишним даже, с хвостиком. То есть я прекрасно понимала, что это перебор, но ведь мы все считали, что он в этом не виноват, потому что одни подхалимы кругом, так же как и Хрущев потом.

В. А кто мы-то? У вас дома?

О. Родители приемные всячески боялись, безумно боялись с нами обсуждать какую-нибудь политику, не дай Бог, кого-то ругать, критиковать ни в коем случае.

В. То есть дома политические разговоры не велись?

О. Нет, если что-нибудь там проскальзывало, то чисто случайно. Мы могли что-то подслушать, разговоры не велись. Они могли быть об Университете, о делах в

Университете, о парткоме, о том, что их заставляют, профессоров, ходить, краткий курс истории ВКП(Б) изучать, все это с юмором.

В. А когда дело врачей было?

О. А дело врачей – было ужасно, потому что каждый день выходили газеты, и в них были фельетоны, каждый раз еврейская фамилия, тут они дрожали, особенно папа.

В. А мама Зина русская?

О. Русская. Заверткина она. Она из каких-то купеческих слоев, такого среднего купечества.

В. А дома не обсуждается «дело врачей»??

О. Нет, ну все время об этом говорили. Но, во-первых, полупшепотом. ... У меня в классе училась бедная Инка Жиц, у которой отца по делу Еврейского антифашистского комитета, он был главным редактором еврейской антифашистской газеты Ункайд (?)

В. Как ее фамилия?

О. Жиц. Три буквы. Она сейчас в Израиле, она погибает от болезни Альцгеймера. Так вот, ее перевели, ее ликвидировали живо из школы Зои Космодемьянской, и запахнули в нашу школу, потому что она хоть была школа при Наркомпросе, имени Некрасова, но она все-таки была ... Учителя были старые, либеральные, сами все пострадали, кто от чего. И Жиц сунули к нам уже в старших классах. Поэтому у нас обсуждался вопрос о евреях, о Михоэлсе шепотом все время говорили, и тут эти статьи одна за другой убийственные совершенно пошли, вот. Все ужасно боялись. В страхе жили в жутком. В жутком страхе.

Ну вот, а когда подавили всех, у меня на всю жизнь остался страх перед толпой.

В. А мама как отнеслась к смерти Сталина?

О. Мама? Я не знаю, как она отнеслась к смерти Сталина, но я только знаю, что они с Анной Борисовной Розен, тоже репрессированной, которая тоже имела Бог знает сколько сроков, ей там добавляли, набавляли все время срока, она была министром юстиции Тульской (проверить!) народной республики, на смерти ее, мы на похоронах выяснили. Анна Борисовна Розен и Орлова, они жили в одной квартире, получили уже после реабилитации, обе они не разрешали слова дурного говорить про Хрущева. Мы уже видели, к чему клонит Хрущев, и уже начали активно насаждать сажать эту дурацкую кукурузу, мама сама в совхозе от этого мучилась.

Сам по локоть был в крови был, соратники-то были не лучше, Маленковы всякие. В общем, короче, если только слово скажешь про Хрущева – нет, мы вечно ему по гроб обязаны, вот он нас реабилитировал, вернул к жизни. А когда Брежнев уже сколько лет сидел, застой, она безумно гордилась, что она ветеран партии, у меня же значок есть ее - ветеран партии, позолоченный такой, маленький, мама безумно гордилась. И когда я в больнице сижу, говорю ей, то-се, Брежнев, ну там, сиськи-масиськи, и вдруг она, наконец, признала, что коммунизм, который сейчас, идет не в ту сторону. У меня челюсть отвалилась, я не помню, в каких это словах выразалось.

В. Прозрела, что ли, вдруг?

О. Да. Не вдруг, она, видно, долго зрела, до этого, ну и не хотелось совсем идеалов в жизни лишаться, ну и вот, коммунизм – это ведь светлая идея, христианская почти, а тут вдруг такие сидят у власти, черт знает что, оглоеды. И вдруг она это признала, и я решила: что все, мама помирает. И она, действительно, через несколько дней умерла. Человек понял что-то. Она уже падала с кровати один раз ночью, потом ее перевели в отдельную палату, потом она призналась, что она видела один раз в дверях смерть. Я говорю: «Мама, ну это тебя снотворным накачали, наверно, был кто-нибудь в белом халате». Вот она и решила. Нет, это было что-то другое, не врач, не сестра. Я говорю: ну что ты, это галлюцинации такие. Умерла.

Но всю жизнь жить с идеалами – это тяжело. Фанатичная религия... Да. Я давно уже на себя дивлюсь, что я циник, на котором пробы ставить негде. Но так жалко, жалко коммунистических идей! Вы меня режьте на месте, но на любом дне рождения, я поднимала тост и говорила: за то, ради чего делалась революция! 7 ноября. За то, ради чего!

В. Скажите, а вот другой вопрос, на совершенно другую тему. А когда Оксанка родилась, мама как к этому отнеслась?

О. Значит, это было кошмарно. То есть я хочу сказать, что приемная мать, она всячески меня поддерживала, она дарила всякие, устроила нам, во-первых, свадьбу, то есть это было на Чистых прудах, это было в той квартире, позвали соседей, стол был накрыт, и все. А мама – это вообще тонкий психологический вопрос, достойный великих наших литераторов, Толстых и Достоевских.

Но надо понимать, что человек, который был лишен столько всего всю жизнь, жил как нищий, опущенный человек, среди клопов и тараканов, вдруг получил собственную квартиру. Вот у нее прекрасная дочка, дочка работает в Академическом институте, и вдруг появляется какой-то парень, на штанах у которого пузыри спереди и сзади, потому что он попеременно надевает то так, то так, это такие тренировочные штаны, которые лыжными тогда были. Других у него не было. И он собирается здесь жить. Негде же! Я устраиваю его к себе в институт, чтобы он не уехал. А его распределили в Сталинск-Кузнецкий. Теперь он Новокузнецк, я не знаю, как он называется, а раньше был Сталинск, в Кузбассе. Его туда распределили, он был специалист по электроприводам. И он кончал на год позже меня, я уже работала, я пошла у себя на работе в академическом институте, выяснила, что у нас есть лаборатория. В Красной Пахре, куда его можно взять, и там дают жилье. В Красной Пахре. И я маме сказала, что мы будем жить в Красной Пахре. Вот, в общем, мы расписались, когда мама была на югах. Впервые в жизни ей дали бесплатную путевку, она поехала на юг. Вот, она где-то там в Крыму была, а в это время мы с ним, - или, может, в Трускавце, что ли? не помню сейчас. Вот, мы с ним расписались, и, конечно, по неопытности быстро этого ребеночка и заделали.

Вот, мы живем в комнате... Знаете, есть такие мамы, которые до старости своих детей все опекают, я все себя одергиваю, чтобы не делать этого с Оксаной. Только мы собираемся обняться, мама за ширму к нам туда заглядывает. То ей газету прочитать нужно, то то, то се, до трех часов ночи свет горит, мама книжку читала, выключить свет забыла, не погасила, а мы лежим под одеялом, боимся прикоснуться друг к другу, пошевелиться. Ну вот.

И естественно, что наступил такой момент, когда Оксана должна родиться, а вся квартира в панике. На кухне – одна такая четырехконфорочная плита, чуть-чуть побольше кухня, чем эта. В этих сталинских домах, квартиры большие, а кухни – на одну семью, собственно. А там четыре семьи, а моя будет пятая. И все мне с выговором, с кандибобером. А я говорю: что, я должна спрашивать у вас разрешения? – Прежде нужно завести квартиру себе! – А я говорю: кто мне даст квартиру?

В. Это они говорят?

О. Они.

В. Это они, бывшие репрессированные, дают такие рекомендации?

О. И Ченениха там, которая сексотка была, из горвоенкомата. В отделе кадров работала. Фамилия ее Чененова, а звали все Ченениха. И эта Ченениха мне рассказывала, как она подшучивала над своим офицерами. Так как она имела отношение к секретным досье на каждого, она кого-то как-то напугала, а вот вы там где-то были или служили, где-то там. Человек побелел сначала, а потом чуть ее не кокнул. Она мне это рассказывала это, смеясь, а я про себя думаю: ах ты подлая, да разве же можно козырять такими фактами из чужой биографии. Ну ладно. Так вот эта дама, мы были, все были уверены, ну, мы полгода там жили, а комната пустовала, лучшая комната с балконом пустовала, пока ее туда не поселили. Ну то есть нам подбирали жильца, который бы сотрудничал, контролировал нас. Этих всех, бывших. Ну, все они, и бывшие, и нынешние, все они считали, что мне нужно сначала приобрести жилье, а потом уже выходить замуж и рожать детей. Поэтому и мама придерживалась почти такого же мнения. И я сказала: мама, если Боря получил жилье в Пахре, мы сначала поживем в Пахре. Там люди жили в Пахре, а вот понедельник у них был «день завоза научного навоза» ... (смеется). Начальство приезжало в Пахру.

Короче, мама приняла мое замужество и рождение ребенка в штывы. Достаточно, что я отправилась в роддом на скорой ночью, а мы, значит, с Борисом прогулялись на Ленинские горы пешком, я досрочно на две недели родила в ту же ночь. Вот. Это было 13 января 1958 года. Значит, стаж нашего с мамой совместного проживания был всего два года. Из них, значит, год уже Борис там околачивался. Ну, он уже работал в лаборатории, он уезжал на Черное море в Коктебель, они там какие-то исследования проводили, ну, от Академии наук совместно с морским флотом, кажется, а я ждала ребенка. Тогда же был декрет только за месяц, да я еще две недели не доходила, так что я в декрете очень мало была. Родила. И у мамы не было радости. Она потеряла то, чего она многие годы ждала и лелеяла: вот, она будет жить с дочкой, жить ее интересами, готовить ей там, шить ей, то-се, а тут вдруг пришел чужой парень.

В. Ну зато ведь новенькая дочка появилась?

О. Нет, это когда она еще внучки не видела. Дочка родилась, настолько я на нее была обижена, что она мне принесла курицу, а я ее отдала няньке, есть не стала. Выписалась из роддома, пришла домой, тут мама Зина подсуетилась, конечно, всяких этих для ребенка. А я заранее все и скроила, и сшила, заранее все приготовила, без всяких предрассудков. Мне Ленка Маркович из старой квартиры точно очертила, сколько чего нужно, сколько еще каких вещей купить, что сделать, ну, в общем, я подковалась. Нужно было купить только ленту. Ленты конечно розовой не было, Боря принес зеленую. (смеется). Ну, я человек без предрассудков, я в рыжее одеяло завернула, говорю, очень хорошо: яичница с луком. Ну вот, мы вышли с ней из роддома, а не может же мама плохо относиться к маленькому ребенку, с одной стороны. С другой стороны – пеленки, стирка, ведра там, все это в коммунальной квартире. Вот, значит, взаимоотношения с соседями испорчены, у самой жизни нет. В какой-то момент она ушла в кино, я передвинула всю мебель. Вот если это была 19-ти –метровая комната, то вот так стоял секретер, вешалка, это наша вешалка была, которая стоит у нас сейчас в коридоре, платяной шкаф, кухонный столик, который сейчас выброшен, старинный кухонный столик с ящиками был, матрас на ножках наш, и Оксанина кровать. И дверь. А на остальных 13 метрах.. Я поделила пропорционально, вот мои 7 метров, потому что мама мне со зла сказала: если бы я была одна, я бы получила 13 метров, как Анна Борисовна Розен или Мария Александровна Юсим, но из-за тебя дали 19 метров.

В. То есть ваши – шесть?

О. Ну да, я отделила 6 метров. Она пришла, мебель переставлена. Вот, пожалуйста, вот у окна лучшая часть, вот, пожалуйста, живи. И так мы и жили до пяти лет Оксаниных. Оксана, конечно, к ней ходила, играла и все, а мы с Борей ютились за шкафами. А на учет никто не ставит. Вот, пока кооператив не подвернулся.

В. Как она реагировала на то, что вы так распределили комнату?

О. Наверно, у нее был шрам в душе, были напряженные, нехорошие отношения, без скандалов, без воплей, без криков. Ее нельзя было попросить, вот почему я Оксане бросаюсь в любую минуту сейчас помочь. Буду умирать, но поползу, чтобы там ей помочь, потому что на каждый вопрос: «мам, посидишь с Оксаной, мы в кино сходим?» Сначала кино было «Молния» на Профсоюзной, потом «Прогресс» этот появился, на Ломоносовском, напротив наших окон. Вот, и она всегда отвечала стандартно: «Ну, если не будет партийного собрания», с постным видом говорила она. Ужас!! То есть отношения были с появлением Бориса испорчены безнадежно. Безнадежно.. Через некоторое время мы получаем квартиру эту. Ну, как мне поступить при таких взаимных обидах и все? Мы погружаем вещи в машину, вешалку, столик кухонный, матрас и Оксанину кровать. Сажаем маму в кабину к шоферу, едем вот сюда.

Здесь кругом глина по пояс, стоит только наш дом и вот этот, тот, что сейчас наша районная управа Обручевского района, а тогда был штаб строительства 38-го квартала. А кругом, апрель месяц, глина непролазная. ...А тогда ничего не было – ни «Казахстана», ни Дома мебели, никаких домов, овраг вдоль Киевского шоссе. И мы с мамой приехали. Вошли сюда, мебели-то нет, выходим на кухню, мама прошла по комнатам и сказала: я бы на вашем месте с Оксаной поселилась бы в большей комнате, а маленькую – Борису. Я

говорю: мам, почему? – Ну, мало ли что! Я говорю: мы ж не собираемся с ним разводиться, мы ж не для этого сюда переехали, чтобы разводиться. Вот. Ну, она уехала, значит, домой одна, на автобусе. Мы с Борей стали тут, в пустой кухне, обнялись и впервые почувствовали себя счастливыми.

В. Конечно, когда вы переехали сюда – это роскошь. Это сейчас комнатка кажется маленькой.

О. Она для меня до сих пор роскошь. Так вот, что я хочу сказать, что я тогда не все понимала. Не понимала ее трагедию. Ведь там же был еще худший случай, у нее была подруга, Александра Филипповна, у которой началась на почве всего, всей реабилитации, началась мания преследования. Она тоже с дочерью получила комнату и начала думать, что дочь у нее крадет, что дочь то, дочь се, то есть были совершенно испорченные отношения, а потом зашло это так далеко, что она стала маме звонить и говорить, что та увела у нее мужа. И вообще, и мама с ней порвала. Чтобы не портить себе жизнь. Ну что, больной человек. Ну сделать-то ничего нельзя. И другие случаи я знала, из маминых знакомых, из своих однокурсников, что, в общем, после такой травмы жуткой ужиться матери с вновь обретенными детьми трудно. Ну, вот как Аллилуева вернулась там из Америки, смешно, чтобы с распростертыми объятиями, ее тут все облизывали. Причем, никакой вины перед матерью я со стороны своей не видела. Я наблюдала столько лет ее страдания, там 10 лет, в деревне в нужде жуткой. Причем мои приемные родители ей все время помогали. Она, если можно, то картошечки привезет, то гуся пришлет какого-нибудь дохлого.

В. А деньгами?

О. Нет, они ей помогали вещами. Лекарствами. У нее же и малярия была, и какой-то жуткий кашель был, одно время она думала, что у нее туберкулез. Нет, не было туберкулеза, был бронхит, застарелый бронхит курильщика. То есть, мало того, что они ей вырастили дочь, они помогали Алику при случае всегда, при любой возможности, они.. Она, в общем, им чужая женщина, двоюродного брата жена. Причем ниже их уровня женщина, совсем другого. И девочка, которая ощеренная, как звереныш, когда они меня взяли. Там, ну может, бабушка подогревала, Генриетта. Ну, в общем, я сейчас вспоминаю, я иногда на Катю смотрю, черты проявляются, мои такие у нее. То есть я была довольно вредный ребенок. И воспитывать меня было не сахар, а при этом они старались не делать различия между мной и Наташей. У них получалось. Но они Наташку обделили лаской и любовью. Потому что если ее целовать, надо и меня целовать. Меня один раз в жизни мама Зина погладила по голове...

В. Когда это было?

О. Я стояла в очереди за керосином 5 часов, и передо мной керосин кончился, я пришла домой в слезах, мама меня погладила по голове. Надо же, взрослая тетка, 70 лет, а все 60 лет помню. Конечно, я для своей дочери никакой ласки не жалею.

В. А вы ее называли мамой?

О. Да, я ее называла мамой.

В. А когда мама вернулась?

О. все равно мама. Если говоришь с посторонними - то мама Зина или мама Дина. Если меня спрашивали: у тебя есть родители? я отвечала: у меня две мамы и один папа.

В. А вы маму Дину сами смогли назвать мамой? Вот прямо как она приехала, та незнакомая чужая тетя, и вы сразу смогли ее назвать?

О. Да, ну мне сказали, что это мама, и я не могла сказать другого слова, я не могла сказать: тетя мама, я говорила - мама. Потом конечно, она в совхозе, когда я к ней приехала на следующее лето, наверно она проявляла чудеса изворотливости, чтобы накормить меня, с этим овсяным киселем, и с грибами, которые она, когда бежала с поля через лес, собирала, и варила-жарила мне хоть что-то.

Был такой там трагический момент, когда к ней приехала, уже постарше была, и она меня взяла в сад совхозный собирать клубнику, потому что знала, что другие украдут, а я не возьму ни ягодки. Я сижу, едет директор совхоза – Александр Иванович, жуткий бабник и кобель, - на лошади верхом. Ой, как я там лошадь запрягала один раз, без мамы, это

вообще кошмар. Так вот он едет значит на лошади, подъезжает и видит – в саду я собираю клубнику. И он сходу, не слезая с лошади, начинает вопить, какие мы такие-сякие эдакие, она, мама, что мама свою дочь кормит. Это было жуткое оскорбление для меня, комсомолки, почти Зои Космодемьянской.

В. И что мама ему сказала?

О. Я сейчас не помню, она ему сказала что-то.

В. А она могла вообще в разъяренном состоянии выругаться матом, например?

О. Нет, нет, она не могла, я от нее слова черного не слышала.

Вот еще странный вопрос насчет религии. Потому что она вернулась оттуда, почти веря в Бога. Она приехала, она уже была почти, если бы ее кто-нибудь подтолкнул в церковь – тогда церковь преследовали, Хрущев преследовал. Если б была такая, как сейчас, ее бы затянуло. И мама Зина уже начинала, хотя она была с высшим образованием, окончила университет, она уже начинала верить в Бога, ну потому что такой поворот судьбы.

В. А потом она пришла к этому? Мама Зина?

О. Нет, никто из них не стал религиозным, молитв на ночь не читал. То есть отмечались все праздники в семье, еврейские - бабушка - и пасха за пасхой. Еврейскую, православную.

В. А католическую?

О. Нет. Это теперь стало модно. Как железный занавес исчез, все стали католическую, а тогда не было. И все советские праздники, особенно любили Новый год, и все дни рождения отмечались. Был такой хлебосольный русский обычай в мамы Зининой семье. Шел из купеческой семьи. В праздники все приглашались, все собирались, столы накрывались, все пеклось, все варилось, все жарилось, все, что есть, все из печи на стол мечи. А такого подчеркнутого – нет, иконы она отдала Паше, мама Зина, у нее от родителей остались иконы, она Богоматерь отдала Паше, потому что Паша верила. Паша очень это ценила, гордилась, говорила, «Вот Зинаида Ивановна мне подарила икону». И я как дура протерла ее скипидаром.

В. Она от этого испортилась?

О. Она посветлела, но думаю, что я содрала с нее порядочно краски.

В общем, короче, я бывала в церкви с мамой, потому что мы ж ходили на кладбище к родственникам, к ее маме, к ее сестре, к ее брату, на Даниловское еще тогда и заходили всегда в церковь, и мама ставила свечку. А когда хоронили бабу Анну, ее мать, она наняла хор певчих, чтобы отпевали. Тогда я узнала, что такое нищие, у нее не было денег, и ей бригадир нищих на паперти дал взаймы. Вот, впервые в жизни я узнала, что такое профессиональные нищие. Они не были бедные, эти убогие, сирые, сидящие на паперти в церкви на Даниловском кладбище.

В. А ваша мама где похоронена?

О. Моя родная в Вострякове, мы ее сожгли, маму Зину тоже сожгли, все Крейнёсы на Донском, в колумбарии. Моя мама, и невестка, и брат, и Боря – на Востряковском.

В. А на Даниловском никто не остался?

О. На Даниловском мамины предки все остались. И вот тут был случай, когда умерла ее сестра, она уже старая, под 90.

В. Сколько ж их сестер-то было?

О. Там было много: три сестры и один брат, которых я живыми знала. Они, кстати, ко мне все хорошо относились. Кто-то мне кроватку для куклы подарил, дядя Коля, тетя Оля там еще что-то. Они после войны очень быстро на тот свет спровадились, и всех их на Даниловском кладбище хоронили. Я в церкви-то бывала, свечки там ставила мама. И отпевали, и все. И вот проходит много-много лет, а у тети Веры, у ее сестры, было двое сыновей, Наташкиных двоюродных братьев, я тоже считала их своими братьями, и все. Она умирают в глубокой старости, и их решают захоронить в семейную могилу. Сыновья и невестка с трудом находят эти старые захоронения, они рядом где-то с церковью близко, но уже так все запущено было.

В. Никто не ходит?

О. Никто. Давно, какие-то старые женщины умерли, никто не ходит. Нашли. Договорились. Приехали. А яма не вырыта. Невестка была очень шустрой женщиной, она сказала, что она сказала, что она сейчас вызовет «Прожектор перестройки» или что-то у нас там по телевизору было, они приедут и тут вас сфотографируют. Пять часов вечера уже. Они испугались и тут же нашли, кому вырыть могилу, и мы тетю Нюру похоронили. Так вот, с религией, говорю, моя мама, коммунистка, вернувшись из лагеря, уже почти верила в Бога. А я-то атеистка была, я ж Пашу свою, домработницу, все время перевоспитывала. Ну как же, я ей все доказывала с наукой в руках, что ничего этого не было. А сейчас могу доказать, что все это было, Николая Морозова достану, 7 томов, из шкафа.

В. У вас все тома есть?

О. А как же! «Христос». У меня его биография есть в двух томах, называется «Повесть о моей жизни». Мне досталось от Михаила Николаевича. Когда он умер, то ко мне приставали мои родные, чтобы я им отдала. А вот этот Витька Стелифировский, который меня тогда вытащил на похоронах Сталина, ну, он был в психушке. В психушке он познакомился с Михаилом Николаевичем Лажечко. Лажечко был редактором Детгиза. Культурнейший человек, которого жена оставила по причине его шизофрении. У него была родная дочь, которой мы потом всю его библиотеку после смерти отдали, вот ей. Хотя она к нему не ходила, и не могилу, кроме меня, никто не ходит, на Хованское кладбище. Михаил Николаевич очень хорошо ко мне относился, ну это такой застарелый книголюб – курильщик. И вот все книги по всем стенам до потолка были, а комнатка такая маленькая. В бывших конюшнях, там, между Грохольским и Большим Балканским. И вот я у него в комнате с окнами почти на уровне земли, студенткой часто была, на 1-ом курсе я с ним познакомилась. Он мне очень много давал читать, он всю жизнь перепечатывал Солженицына и всех прочих, сам на машинке стучал, стучал. Партийный был, между прочим. Он сочинял стихи, все газеты в издательстве он всегда оформлял, такой бессменный редактор. Замечательно интересный человек и эрудит. Он два раза купил Морозова. Раньше же можно было оставить заявку в букинистическом магазине на улице Горького, и он два раза, за какие-то символические деньги, он два раза оставлял заявку и купил, я два раза переплетала для него в ледериновый переплет. Нашла переплетчика. Другой раз себе – нужно в ледериновый, потому что картонный переплет рассыпается – первый том рассыпается, потому что все читают только первый том, а на остальное у них сил не хватает. Из шести месяцев дипломного проекта я прочла 7 томов Николая Морозова, на диплом свой мне было наплевать сверху, с высокой горы. Ну, защитилась. Это был какой-то генератор постоянного тока для испытания обмоток каких-то двигателей. В него я могла внутрь, в ротор этого генератора, встать во весь рост. Очень мне это было интересно! (смеется), А Николая Морозова было интересно читать. Недавно Шура Цукерман прислала мне веточку иссопа, как пример тех растений, которые у них растут.

В. Скажите мне, почему вас понесло в энергетический институт?

О. Жица. Моя подруга Жица была меня умнее, она была старше на два года, и она смекнула, куда можно поступить без экзаменов.

В. Так вы же с медалью школу кончили?

О. Нет, с медалью нельзя было поступить. Две моих подруги с золотыми медалями (у меня была серебряная) поступали в университет на химфак – это Вера Гроневицкая и Женя Кроль, которая сейчас живет в Иерусалиме, а работает бэбиситер, там уже с 91 года. Семи пядей во лбу, гениальная девушка совсем была. Они блестяще прошли собеседование, приходят, а им говорят: пройдите еще собеседование. В 50-м то году. Они проходят второе собеседование. Им опять не говорят. Ждите, там, до 30 августа. А у них уже начинают дрожать поджилки. В списках нету. Тогда они берут быстро документы и приходят в Менделеевский. Там их без звука берут. Веру Гроневицкую берут на органику, а Женю Кроль берут только на силикатный, по принципу: не боги горшки обжигают.

В. Силикатный – это про кирпичи?

О. Кирпичи. Эта гениальная девочка, которая, конечно, не могла даже на силикатном себя не показать. Она в результате диссертацию сделала, в общем, исследование кирпичей, и уехала с семьей. А Вера Гроневицкая – она окончила органический, она живет на Ломоносовском около метро «Университет». И вот то, что она не могла поступить, и папа Миша мне потом объяснял, что там, на химфаке, подлый очень замдекана, забыла его фамилию, на букву В. Во-первых, он евреев не берет, ни за что не пропустит, кровь из носу, а во-вторых, значит, в семье были репрессированные, значит, враги народа. Вот, и Жиц прекрасно это понимает, чего я не понимала. В общем, я смутно понимала, что в архитектурный я не смогу, я неплохо рисовала, у меня же висят на этой стенке мои рисунки. Моя сфера интересов была либо история с археологией, либо архитектура. Бабушка рисовала, все рисовали, в общем, я это хотела. Но меня туда бы не пустили. И когда я только вякнула, что я хочу рисовать, папа сказал: «Ты вперед профессию получи, пожалуйста, а потом занимайся, чем хочешь, рисуй». Папа Миша сказал. Ну вот, а тут Жица. У меня этот момент запечатлен на фотографии, где мы всей группой, перед выпускным вечером, всем классом, сидим перед школой, все в белых платьях, девочки, мы сидим все на четверенечках в первом ряду, и она мне говорит: «Пойдем в энергетический».

В. В этот самый момент?

О. Да. И мы пошли и подали документы. И без собеседования нас приняли. Меня спросили: что у вас за фамилия странная такая, шведская, немецкая или какая – Иоэльсон?

Конец стороны В второй кассеты из трех.

Начало стороны А третьей кассеты из трех.

... держали военный совет с Крейнсами, чтобы сделать меня русской. Уже потом, когда я в Сохнуте когда-то была по делам, и мне врач в Сохнуте сказал: по последним израильским законам признается ваше, вы можете эмигрировать в Израиль. То есть меня, как дочь еврея по отцу, последняя поправка там была, уже несколько лет назад мне это сказали. Но я сказала спасибо, что-то меня туда не тянет.

Значит, я была Иоэльсон-Гродзянская Гертруда Евгеньевна, русская. Поэтому Наталья Михайловна Крейнс тоже была русская. Ее сделали в честь мамы. Чтобы меня уговорить, надо было вызвать маму из совхоза, чтобы она приехала и надавила. И мы сидели на черной лестнице на Чистых прудах, загаженной помоями. Это был черный ход, для прислуги в свое время. И она мне внушала, что: я же твоя мама, я же русская, ты же по-еврейски ничего не знаешь, не понимаешь, почему ты не хочешь быть такой же, как я? Я говорю: я из принципа не хочу.

Также из принципа я не хотела менять фамилию. Я выходила замуж за Чупруна. Семь часов он бился, мы разошлись, а ЗАГС был на Шаболовке, и я уехала домой и рыдала, так как он требовал, чтобы я была Чупрун, а я не хотела менять фамилию. Потом он позвонил, я долго не шла к телефону, Чененов меня позвал, и я сказала: ну черт с тобой. Я приезжаю, он уговорил работников ЗАГСа, чтобы они не закрывали ЗАГС, а подождали, пока я приеду, было уже темно. Это был день рождения Ленина, с одной стороны, торжественное собрание было в этом дворце, а с другой стороны, это был последний день Пасхи, звонили колокола. Значит, я вошла, он сказал: значит, ты в анкете напиши фамилию Чупрун. У меня все перевернулось, я подумала, сейчас он уедет в свой Кузнецк, и я его никогда не увижу. И я расписалась. Я позвонила маме Зине и сказала: «Мам, ничего не отменяется, мы все-таки приедем». И мы шли пешком там по бульварчику, по нему топали, звонили колокола. Когда мы расписывались, играл гимн Советского Союза, или Интернационал, по-моему, играл. Под колокола мы шли, и у меня было так мерзко на душе из-за этой ссоры, из-за того, что я не устояла, из-за того, что я изменила своему отцу, а у отца нет мужчин наследников, никто его фамилию не унаследует, это я

понимала. Из принципа: почему я женщина, почему я должна брать его фамилию. Вот такая у нас была история.

Так я стала под нажимом русской, под нажимом сменила фамилию. Мне это не помогло в жизни. В фамилии Иоэльсон-Гродзянской делали не менее 13 ошибок. Ну, во-первых, первые три буквы гласных для русского уха совершенно: писали как Иенсон, или Эенсон, и так, и сяк, и этак. Гродзянская всегда писали Гродзянская. Все что угодно было, поэтому объяснять каждый раз по буквам, как пишется твоя фамилия, было нелегко. Но когда я стала Чупрун, я была Чепрун, Чипрун, Чуприна, в поликлинике мне до сих пор пишет Чуприн на рецептах. А я всегда говорю: «Она его бьет, и за чупрун таскает» - Пушкина помните? Через два «У», говорю я. Это же просто чуб – клочок волос, там целое село Чупрунов есть на Украине, там, на Киевщине. Отец моего мужа оттуда. Он из Запорожья.

В. Как же вам-то жилось в Энергетическом институте? Вы ж совершенный гуманитарий!

О. Там вообще-то было очень интересно. И СТЭМ был, студенческий театр эстрадных миниатюр.

В. Но вы же туда поступали не ради СТЭМа? Профессия была нужна.

О. Вот, когда я получила пятерки по начерталке и по черчению, папа с гордостью сказал: «Ну, Герта, теперь у тебя одна профессия уж есть, чертить-то ты всегда сможешь». Это был жуткий предмет совершенно. У меня была одна тройка всего в жизни, по теоретической механике, папа – он же был зверь по математике и механике. «Но если ты считаешь, что тебе неправильно поставили оценку, так скажи мне, как, по этому вопросу ответь». И я отказалась. Потому что я считала, что он очень требовательный, что по этому вопросу ему на три, больше не отвечу.

В. А Наташа куда поступала?

О. Наташа поступала на мехмат, проучилась год и сбежала. Перешла на физфак. Это ж были те самые годы, когда физика – самый расцвет. Математика все-таки наука суховатая, ну я так честно скажу, я выросла среди математики и математиков, все это у меня на слуху, и все эти формулы я папе вставляла, и диссертацию печатала, но я глубоко убеждена, что физика – там великие открытия делаются под яблоней, в бассейне, но и на диване. Папа наш прекрасный математик, ну, механику делал на диване. Рулевое управление, танки, которые у нас в конце войны были на вооружении, делал, Государственную премию получил за это. Он получил Сталинскую премию, один из четырех человек, соавторов.

То есть я хочу сказать, что он делал на диване, у него был огромный стол, он сейчас жив этот стол, от стенки до стенки. Его папы адвоката стол. Крытый кожей, с такими гвоздичками узорными кругом, с львиными мордами тут, на ножках, с ящиками удобными глубокими. С лампой в стиле модерн начала этого века, бронзовая лампа, с такими хрустальными, такими, как драгоценные камни развешанными. Такой письменный прибор, в общем, все сохранилось, и эта лампа – все сохранилось, потому что Юра, Наташин муж, он к этому очень трепетно отнесся. Он, вообще, в семью вошел, как член семьи, его любили, а он рукодельный парень. Он физик, профессор физики, сейчас парализован. Он всю мебель отодрал, отреставрировал, вот этот буфет с витражами до сих пор существует. Молодежь теперь загадила квартиру, а все было почти как на Чистых прудах сделано. И даже ездил в антикварный магазин и купил бронзовые люстры в стиле тех, что были раньше, потому что они ту люстру оставили на Чистых прудах. Которую Паша разбила, да. И конечно они были не мародеры, они уезжали из квартиры, ни бронзовых ручек не снимали, ничего не выдирали, потому что в квартире остались люди. А они так гордились, мне Ленка Маркович потом рассказывала, что они так гордились, что они в такой квартире живут. Потому что и потолки там под 4 метра, и вообще, в каждой комнате по два высоченных окна, и это все, и камин, и паркет дубовый. Я недавно ездила за очками, я недавно руку ломала, я вообще каждый год весной ломаю по одному разу руку, и все левую. Я еду, приезжаю и думаю, ну раз я уж сюда попала. Ноги что-то не идут, астма замучила, думаю: ну пройдуся я по этим старым переулкам, посмотрю, чего там настроили. Натискали, кэжэбэшный домик какой-то, малую сцену к «Современнику», к «Колизею» бывшему пристраивают. Ну, во все подворотни, где мои

подруги жили, заглянула, прошла по Чистым прудам, подошла и увидела, что вроде бы наш подъезд не носит какого-то жилого вида. А в соседнем уже какой-то офис организовался, и охранники стоят. Двери железные, с кодовыми замками, но по окнам судя, не понятно, чтобы там частные лица жили, наверно, все выкупили. В каждом подъезде по три этажа, на каждом этаже по три квартиры семикомнатные одинаковые. Конечно, и если объединить, то это три этажа хорошего офиса. Я подхожу к этим охранникам и спрашиваю: скажите, а вы не знаете, что здесь в этом доме будет? Все-таки дом жилой или не жилой? Они говорят: мы не знаем ничего. Они мне ничего так и не ответили, туда я внутрь так и не проникла.

Ну я там под лестницей столько горьких минут провела в своей жизни, что она мне до сих пор снится, эта лестница. Такая, мраморная, на поворотах она скруглена, и стены и потолки были расписаны в свое время. Когда-то, уже после войны, когда булыжную мостовую заменили на асфальтовую, в доме провели центральное отопление, газ, тогда побелили подъезд. И ангелы все исчезли. Их конечно надо было смыть и восстановить.

В. Так это ж надо, чтобы кто-то знал! Про росписи эти. Что надо смывать.

О. Эти собственники быстро про все разузнают. Нет, этот дом, в общем, я прошла мимо. Да, к нашей школе подошла, вижу – вместо нее устроили какой-то православный лицей. «У Харитонья в переулке..... Татьяна Ларина жила». На месте Харитония, его в 30-е годы снесли и построили нашу школу.

В. Это ближе к бульвару или к Садовому?

О. Нет, это прямо посередине Малого Харитоньевского, где ЗАГС, где сейчас Дворец бракосочетаний. Напротив ВАКа. Так вот там эта школа, в которой мы учились, дивный состав учителей, значит, это все люди с очень большой культурой, директорша наша насобираала. Многие пострадали, так что ко мне относились хорошо, я считаю не заслуженно, а потому что меня часто жалели. Так вот, когда прокладывали теплоцентраль, раскопали древнее кладбище на месте этой церкви перед нашей школой. И нас заставляли убирать территорию, сажать деревья. И я помню, пришли на один урок и закричали: «Ольга Ивановна, пока не раскопаем, не найдем 14-тый череп, мы не придем, мы 13 черепов собрали, выброшенных из земли». А мальчишки по Большому Харитоньевскому ногами их швыряли, в футбол играли черепами. В общем, там была-таки эта церковь Харитония, мы знаем. А нас назвали в честь Некрасова, поставили памятник Некрасову, а повесили внизу в вестибюле в зале, в который мы ходили, гуляли и устраивали вечера, ну коридор такой большой, перед классами, повесили портрет Некрасова, где было написано: Дар Мосгороно. Вместо художника. Я так издевалась, ну надо же, вместо того, чтобы написать фамилию художника, написали Дар с большой буквы и Мосгороно с большой буквы. А памятник Некрасову – это бюст, который стоял на постаменте перед школой. Помню, как его открывали.

Я подхожу сейчас, и стоит забор, недострой, этот православный лицей все никак не откроют. И вот женщина с ребенком стоит. Я спрашиваю: «вы здесь живете? – Да. – Скажите, а что здесь будет? – Да вот, который год уже строят, никак не откроют. Не знают, чего хотят». Я говорю: «А где здесь памятник Некрасову был? – Некрасову? Не знаю, я не видела». Я заглядываю за забор, и среди пластиковых бутылок, пивных банок и всякой ерунды стоит заколоченный в доски памятник Некрасову. Уже доски серые грязные черные.

В. В общем, как Летний Сад во время войны.

О. Да-да-да, я видела, как закрывают памятники, все-таки прилично. Так что Некрасов стоит там. Вчера разговаривала со школьной подругой, которая там, на Мясницкой сейчас живет

В. А вроде в той школе был недавно юбилей, его отмечали, нет?

О. Был юбилей, я помню, мы собирались там, тридцатилетие, и отмечали один юбилей во Дворце пионеров на Стопани. В школе же, как вечер встречи, а вчера узнала, что, когда школу снесли и стали строить лицей этот православный, то номер ее присвоили школе другой, на Чапалыгина, номер 657-й, вот, и она стала 613 –ая. Я говорю: а чего ж тогда

памятник Некрасову не перенесли? У нее имя Некрасова отняли. Эта школа теперь не та, номер дали тот, а имя Некрасова отняли.

Такая нелепость. Вот когда нашли погибшего мужа Музы Максимилиановны Постниковой там, возле больницы Медсантруд, я звонила Марковичам. Это же их она усыновила тогда, под опеку их взяла тогда Муза Максимилиановна. И выяснилось, что ее муж был тогда братом бабушки, и что это была большая родня Постниковых. Вот эта Наташка Постникова, она со мной в одном классе училась, что это другая ветвь этих Постниковых, причем, я Наташке звонила, но она уже не помнит, ее отец был известнейший на всю Москву гомеопат. В общем, мир тесен. Вот так копнешь – и в Германии, и в Америке, и все друг друга знают.

В. Скажите, а вас родители Крейнсы, усыновили?

О. Нет.

В. Опекунство взяли?

О. Но это не так. Я была под опекой его матери, бабушки Генриетты. И это было сделано очень умно. Хотя он в анкетах писал, что у него две дочери – Наташа и Герта, как человек осмотрительный, не упомянешь что – тоже плохо. Понимаете? Лучше самому сказать. И я во всех анкетах никогда не скрывала. Что отец арестован, мать арестована. Скроешь – потом тебя ковырнут тем, что ты скрывал. А под опекой я находилась Генриетты Григорьевны Крейнс, двоюродной бабушки, причем эта бабушка, это давало еще право, вот американскую помощь, например, присылали, а ее опекунский совет раздавал сиротам. И вот был случай, я один раз получила после войны такой американский подарок на мое имя! Там были необыкновенные конфеты, такие, что я до сих пор знаю, что наши конфеты по сравнению с ихними – это просто ого! Америка действительно не умеет делать вкусной еды. Ну, в те годы оно было вкусно, конечно. Но, вы понимаете, что если люди голодают и вдруг им лярд пришлют. Ну что такое, топленое сало – это ж прелесть. А вот мармелад, которые там были, невкусные, но я все съела.

В. Скажите, а вот все-таки последнее, вот когда вы живете здесь, а мама живет там, и уже Оксаночка растет, и ей уже не 5 лет, а даже уже больше, это как раз тот период, когда вас разлучили, вот мама не помягчала ?

О. Значит, мама Зина все время говорила: «Герта, чем дальше, тем роднее». Ну, я комплексовала. Ну, Оксану нужно на дачу отправлять, а жить-то ей на даче не с кем. Ну, я сняла, а жить-то не с кем. Я уговорила маму, и по этому поводу я очень терзалась, что вот мама, я стесняю ее свободу, вынуждаю ее жить на даче, в дачных условиях, с керогазом там, и все. Мне мама Зина сказала: «Герта, да выбрось ты это из головы, ты считай, что ты ей делаешь одолжение, что ты ей отдаешь внучку на воспитание». Снимала с моей души груз. А я ж привыкла, что у нее были все время партсобрания, то есть у меня все время был комплекс, что я свою маму ущемляю, что я от нее требую все время каких-то услуг. Так что мама не сильно напрягалась, но она, если надо, сошьет Оксане что-нибудь.

В. Ну это если надо. А вот бабушки не было у Оксаны? Такой бабушки, как вы бабушка?

О. Я не лишала ей бабушки, ни разу ни дурного слова не сказала ей.

В. Я говорю про Оксану, про контакт.

О. Она хорошо к ней относилась, но когда она выросла, а мама получила квартиру в Теплом Стане, выехала из этой коммуналки, она, как ветеран партии, наконец, получила себе однокомнатную квартиру в Теплом Стане. На первом этаже, правда, и рядом с кольцевой дорогой, но отдельную. В 75-м или в 74-м году. Так вот, очень скоро она квартиру эту, сделала родственный обмен фиктивный с Оксаной, чтобы Оксане осталась эта квартира. Но Оксана же студентка, она же Новый год там, то в горы поедет, каждый Новый Год я встречала с мамой там. Потом пешком, ползком и на попутном транспорте приезжала домой. Каждый год я устраивала ей Новый Год. Она заведовала библиотекой, которую сама организовала, библиотека ЖЭКа, общественная. Я помню, я собирала книги, какие могла, я через книголюбов доставала на работе. У нее была библиотека, такой был коллектив женщин, которые ей в этом помогали, она туда ходила. Это по соседству недалеко, руководила этой библиотекой, это было ее и хобби, и занятие. Я ей в

этом помогала, в смысле книгами. То есть чем я становилась старше, тем я становилась умнее.
Звонит телефон.

. Конец стороны А третьей кассеты из трех